

Б И Б Л И О Т Е К А

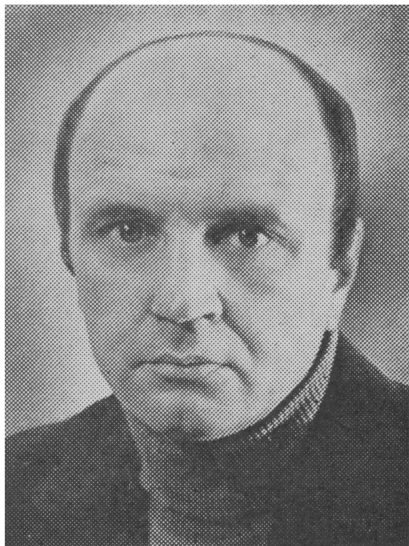
ISSN 0132-2095



**ОГОНЁК**

№ 47

1981



*Виктор ПРОНИН*

# БУДЕТ ЧТО ВСПОМНИТЬ

МОСКВА  
ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ПРАВДА»







БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 47

---

Виктор ПРОНИН

# БУДЕТ ЧТО ВСПОМНИТЬ

РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»  
1981



## Виктор ПРОНИН

Виктор Алексеевич Пронин родился в 1938 году. Окончил Днепропетровский горный институт, работал геодезистом, фото-корреспондентом, журналистом. Несколько лет провел на Сахалине, о котором и написаны эти рассказы. А свой первый рассказ Виктор Пронин опубликовал в Днепропетровске в 1963 году. Там же в 1968 году вышла первая книга — «Слепой дождь». Впоследствии произведения Виктора Пронина публиковались в журналах «Человек и закон», «Смена», «Огонек», «Дружба», в «Литературной России», в сборниках и альманахах. На нескольких языках вышла приключенческая повесть «Тайфун», опубликованы повести «Жара в августе», «Самоубийство», «Не просто схватка», «Медвежий угол». За две последние повести по итогам Всесоюзного литературного конкурса Виктору Пронину присуждена премия Союза писателей СССР и Министерства внутренних дел СССР. Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышел роман Виктора Пронина «Ошибка в объекте». По повести «Самоубийство» создан телевизионный фильм. Виктор Пронин — лауреат премии «Огонька», которая присуждена ему за серию очерков на морально-этические темы.



## ПРЕКРАСНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Лавров прибыл в Невельск под вечер, и городок сразу понравился ему. Выйдя из низкорослого вокзала с непривычно широкими дверями, он оказался на чистой узенькой улочке, доверху наполненной розовым закатным светом. Куда бы ни приезжал Лавров, он всегда первым делом шел к морю. Без цели, без заранее принятого решения, сам того не замечая, в день приезда он обязательно оказывался на берегу. А последние годы, куда бы ни забрасывала его непутевая судьба, где-то рядом, в двух шагах неизбежно слышался шум волн.

Старые балки, утыканные ржавыми болтами, каркасы разбитых лодок, остатки деревянных ящиков, пустые железные бочки, ворочающиеся в волнах недалеко от берега, — все это нравилось ему и волновало его. Даже запах, сильный запах соленых водорослей казался необычным, тревожным. Лавров жадно вдыхал розовый воздух, думал о том, как все-таки здорово, что он попал сюда, и не спешил уходить.

Широко расставив сильные ноги, сунув руки в карманы брюк, развернув плечи, плотно обтянутые тонким белым свитером, он подставил лицо ветру, и ему казалось, что это не ветер, а солнечные лучи перебирают его волосы. А рядом шуршали волны, и, хотя все они были одинаковы, он знал, что справа — Татарский пролив, а слева — Японское море.

Потом к берегу причалила небольшая лодка, и несколько мальчишек принялись с чем-то возиться в ней. Лавров подошел ближе и увидел двух громадных розовых осьминогов. Мальчишки хотели вытащить их из лодки, но стоило им оторвать от скамейки или борта одно щупальце, как осьминог тут же присасывался остальными. Присоски отрывались от досок с влажным чмоканьем. Когда наконец осьминогов выбросили на песок, вокруг уже стояла толпа, и ребята быстро продали чудовищ корейцам, которые радостно унесли их в помятых ведрах. Корейцы были по пояс голые, и изогнутые от тяжести позвоночника четко выделялись на их смуглых, мускулистых спинах.

Лавров уже представил себе, какой праздничный ужин получится сегодня у корейцев, вспомнил, как ему впервые пришлось отведать



мясо осьминогов, и в этот момент прозвучали слова, которые вроде бы его никак не касались, но все-таки заставили обернуться.

— А ведь какая была собака! — сказал хриплый и насмешливый голос.

Позади стояли два парня и в упор разглядывали его. Оба были невысокие, но один — какой-то тощий, узкоплечий, а второй — покрепче, массивней. Что-то в этих парнях настораживало, как бывает, когда в самой, казалось бы, безопасной обстановке вдруг невольно насторожишься. Тревога шевельнулась в душе Лаврова, чаще заработало сердце, чуть отхлынула кровь от щек. Он стоял все так же независимо, свободно, но ладони в карманах неожиданно взмокли.

Солнце ушло за водный горизонт, на материк. Стало прохладнее. Волны незаметно сделались лиловыми, потом синими и наконец приобрели фиолетовый оттенок.

— Помнишь злодея? — услышал Лавров, но не оглянулся, хотя понимал, что обращаются к нему. Нарочито медленно повернувшись, он хотел уйти, надеясь, что все обойдется, что растущее чувство опасности ложное. Но ему загородили путь. Парни смотрели на него спокойно и удовлетворенно, будто долго искали его, даже потеряли надежду найти, но тут им повезло.

— В чем дело, ребята? — спросил Лавров и сразу понял, что вопрос прозвучал заискивающе, слишком уж благожелательно.

— Слышь, Коля, он спрашивает, в чем дело, — сказал тот, что поменьше, и улыбнулся. У него были белые, но низкие и редкие зубы. — К нему как к человеку обращаешься, вопросы задаешь, а он ведет себя последним хамом. Не нравится он мне, Коля, нехороший он человек.

— Первый раз такого вижу, — ответил Коля и тоже улыбнулся, не разжимая губ.

— А кое-кто хорошо его знает, дело с ним имел и еще не прочь встретиться... Коля, ты не знаешь человека, который хотел бы с ним повидаться?

— Как же, Славик, не знаю, хорошо знаю.

— Кончайте, ребята, — сказал Лавров. — Мне идти надо.

— Вот видишь, Коля, на вопросы не отвечает, разговаривать не хочет, другом нашим пренебрегает... Нехороший он человек.

В тот момент, когда, сделав резкое движение, Лавров шагнул вперед, ему подставили ножку, и он с размаху упал в мелкую лужицу, затянутую подсохшей тиной. Все еще пытаясь сохранить достоинство, он поднялся и решительно повернулся к парням. Тощий Славик стоял в сторонке, поигрывая куском ржавой трубы, а Коля так и не вынул рук из карманов.

— Может, вы скажете, что вам нужно?

— Видишь, Коля, он не знает никакой собаки.



— Не помнит.

— Во-во, не помнит. Много, видно, собак встретилось ему на жизненном пути, всех даже и упомнить не смог.

— С памятью худо у него... Отшибли, видать.

— Ничего, Коля, не может быть, чтобы все отшибли, кой-чего и на нашу долю осталось.

— Осталось, Славик. Надо только руки приложить.

Толпа, стоявшая здесь совсем недавно, разошлась, берег и море были пустынными, потянуло сыростью, с сопок бесшумно пополз туман, и Лавров невольно передернул плечами. Где-то корейцы разделявали осьминогов, обсуждали удачный улов мальчишки, расходились по домам случайные прохожие.

Гнилые деревянные балки, ребра старых лодок уже не казались Лаврову такими красивыми и волнующими. Теперь это были равнодушные и молчаливые свидетели его смерти. И как только в его сознании мелькнуло это слово, Лавров вдруг до ужаса ясно представил, как его обнаружат завтра утром возле разбитых ящиков. Он уже видел себя лежащим вниз лицом на мокром песке, с запекшейся на затылке кровью, видел, как снова соберется толпа, как погрузят его в какой-нибудь случайный самосвал...

— Смотри, Коля, а ведь он обиделся на нас,— сказал Славик.

— Из обидчивых, значит.

— А знаешь, он и ударить может... Глянь, какие глаза у него сердитые.

— Не ударит, ему страшно.

— Ребята,— сказал Лавров, и удивился своему голосу, таким он показался ему тонким, почти визгливым.— Ребята, я только сегодня приехал... Вы меня с кем-то путаете... Понимаете, я только успел в гостиницу...

— А ведь я верю ему, Коля, правду он говорит, что приехал сегодня, иначе бы давно его встретили.

— Ребята, посмотрите, вот мой билет... Железнодорожный...

— Убери,— коротко сказал Коля. Видно было, что он волнуется, как волнуются перед серьезным делом, которое нужно выполнить быстро и хорошо.— Так ты вспомнил?

— Кого, ребята?!

— Злодеем которого звали.

— Злодеем?!

— Вспомнил, значит. Вот и хорошо. Смотри, Коля, вокруг никого, время идет, чего тянуть... Думаю, уже можно...

— Что... можно? — не столько спросил, сколько выдохнул Лавров, невольно сделав шаг назад. Он чувствовал, что страх охватывает все его существо, парализует, но ничего не мог с собой поделать. Может быть, в другое время он обратил бы внимание на то, что оба парня, стоявшие перед ним, гораздо слабее его, что он мог бы без особого



труда справиться с ними, или уж во всяком случае расшвырять их в стороны и уйти. Но Лавров даже не думал об этом. То ли неясное чувство вины, то ли уверенность этих парней, то ли его трусость, о которой он и не подозревал до сегодняшнего дня, считая себя человеком сильным и мужественным, а может быть, все это вместе взятое, полностью лишило его способности к сопротивлению. Возможно, он вел бы себя иначе, если бы море не было таким черным, если бы огни города были поближе, если бы на берегу показался хоть один человек, хоть мальчишка, старуха, девушка... Но берег был пустынен, море тихо шелестело в темноте, а Лавров видел себя уже лежащим на песке...

— Что... можно... ребят? — переспросил он, не услышав ответа.

— Сейчас поймешь. Недолго осталось... Слушай, Коля, надо бы Леху позвать, а? Лехе приятно будет.

— Сами справимся.

— Леха обидится, если мы без него...

— Не обидится.

— Я бы все-таки позвал Леху, — настаивал тощий Славик. — Я знаю, где он... Тут недалеко...

Лавров не мог больше слушать этот разговор. Изю всей силы оттолкнув Колю в сторону, в темноте чутьем угадав канаву, он перепрыгнул через нее, пролез под какой-то балкой и, не оглядываясь, понесся к домам. Он не знал — гонятся ли за ним парни, да это и не имело значения, потому что в любом случае бежал бы как можно быстрее.

— Что с вами? — спросила у него дежурная, когда он, задыхаясь, еле переставляя ноги, вошел в гостиницу.

— А что? Ничего... Все нормально.

— Где это вы так выпачкались?

— А-а... Упал нечаянно. Ничего страшного.

Лавров взял ключ от комнаты и поднялся наверх. Не зажигая света, он тщательно запер дверь и упал на кровать. Он лежал, не двигаясь, без мыслей, без желаний. Было только облегчение, что все это кончилось. Не в силах подняться, Лавров пролежал около часа, и только потом встал, включил свет, умылся. Открыв дверь, он внимательно осмотрел коридор, вернулся в комнату, закурил. И нервно усмехнулся, заметив, как вздрагивала в пальцах спичка.

Город шел уступами по другую сторону гостиницы, и там сейчас светились окна, сновали машины, прохожие. А из своего окна только далеко в море Лавров заметил несколько слабых огоньков парохода. К Лаперузу идут, машинально подумал он и вынул из пачки вторую сигарету.

Лавров приехал в эти края несколько лет назад, но до сих пор не пропало в нем чувство новизны. Странное волнение охватывало его при виде снежных заносов, летних дождей и туманов, при виде



влажных сопок или прозрачных горных ручьев. Он полюбил остров еще там, на материке, и не один раз говорил друзьям, что его форма напоминает ему магнитную стрелку гигантского компаса, а иногда — корабль или глубинную рыбу с костистой пастью. Подолгу рассматривая карты острова, он бормотал чуть слышно названия городов и поселков, будто заучивал их наизусть. Друзья знали, что он собирается на остров, Лавров не один раз обсуждал с ними детали своего отъезда, показывал письма, которые получал из далеких портов и рыбокомбинатов в ответ на свои запросы, и поэтому, когда наконец наступил день отъезда, все были слегка удивлены и посрамлены в своем неверии.

Лавров хорошо помнил день, когда он сел в самолет. Это было тихой сырой осенью. Да, в том городе, откуда он уезжал, была осень. Шел мелкий дождь, и взлетная полоса блестела, как большой проспект, с которого вдруг исчезли дома, деревья, памятники. Осталась только прямая мокрая дорога, в которой отражались серые громады самолетов. По их клепаным бокам, будто покрытым гусиной кожей, рывками стекали капли дождя. Здесь, на земле, самолеты казались Лаврову чужими и неуклюжими. Они будто ждали, пока маленькие и суетливые люди закончат возню и им можно будет освобожденно и восторженно оттолкнуться и уйти к себе, в тяжелое, сырое небо. Эта мысль понравилась Лаврову, и он окинул самолеты взглядом сочувствующим и добрым.

Потом, когда наступили сумерки, объявили посадку. Лавров медленно и отрешенно прошел через летное поле, ступая по бетонным плитам, по мелким морщинистым лужам, по листьям, занесенным с деревьев, окружавших аэропорт. Листья эти казались Лаврову выцветшими, они лежали на бетоне бледные и размокшие. А себя он в этот момент видел значительным и печальным. Он оглянулся и прощально помахал друзьям, которые должны были стоять где-то там, среди огней аэропорта. Лавров даже улыбнулся им, чуть склонив голову к плечу. Ничего, дескать, не переживайте, я вернусь...

В свете прожекторов тускло поблескивало брюхо громадного самолета. Концы провисших крыльев скрывались где-то в тумане. И конца очереди у трапа тоже не было видно. Вереница людей, казалось, шла через поле, выходила на шоссе, и тянулась, тянулась до самого города, будто к трапу выстроилось все его население, будто объявление о посадке прозвучало не только в аэропорту, но и в домах, на заводах, улицах...

Уже поднявшись по трапу, Лавров еще раз оглянулся. Конечно же, он не увидел никого из знакомых, вообще не увидел ни одного человека, но все-таки не удержался и помахал рукой. А минут через десять по телу самолета пробежала нетерпеливая дрожь, он дернулся, пронесся по полосе, оттолкнулся и, будто успокоившись, ушел в темное небо. Где-то внизу, под маскировочной сеткой дождя, текла широкая



река, теплились огоньки бакенов, катеров, барж. Через несколько минут показались звезды. Самолет продолжал набирать высоту.

Откинувшись в кресле, Лавров закрыл глаза и понял, что он взволнован, что этот день, этот полет, это мерцание звезд в иллюминаторе, холодный лунный блик на крыле самолета он запомнит навсегда, все это войдет в него и останется в нем. И отныне он будет жить еще и этими необычными, тревожными впечатлениями сверхдальнего полета.

В Москве стоял мороз, и прозрачная поземка мела по белесым плитам аэропорта. В ночном воздухе самолеты уже не выглядели угрюмыми существами из другого мира. Они сверкали разноцветными огнями, будто приглашали к празднику. И в душу Лаврова закралась робость, боязнь оплошать. В то же время, глядя на себя как со стороны, он гордился собой.

В темном, промерзшем автобусе Лавров переехал из Внукова на Домодедово, и там на него сразу дохнуло просторами, которые измерялись тысячами километров, сутками перелетов, часовыми поясами. И опять самолет рванулся в небо, раскалывая и дробя мерзлый воздух. Москва, будто плоская галактика, качнулась и ушла в сторону, уменьшаясь и теряясь среди звезд. Это было прекрасно.

Ночь кончилась неожиданно быстро, а утром где-то внизу медленно проплыли заснеженные горы Урала, замерзшие болота Западной Сибири, днем он видел горы Восточной Сибири, похожие в лучах холодного солнца на розовую скомканную бумагу. Потом незаметно приблизился Дальний Восток, сумрачный и таинственный. Неожиданно кончились облака, будто отшатнулись назад, к материку, а под самолетом оказалась пустота, от одного вида которой сжималось сердце и метался по груди испуганный холодок. На дне провала колыхался Татарский пролив. Едва достигнув его середины, самолет начал снижаться, и вскоре у самого горизонта показался клубящийся туманом остров. Самолет качнулся, наклонился на одно крыло, Лавров судорожно схватился за поручни, а сердце его учащенно и радостно напомнило о себе.

А потом прошло несколько лет, и Лавров уже считал себя знатоком этого края и относился к нему хотя и снисходительно, но по-прежнему, попадая в новые места, волновался, почти как раньше, и ценил в себе это волнение. А когда оно не приходило, старался вызвать его в себе усилием воли и воспоминаниями о том давнем перелете сюда, который так круто изменил его жизнь. Лавров полагал, что остров изменил и его самого...

...Что-то заставило его обернуться. И еще до того, как он понял, в чем дело, ужас снова сковал его, сделал громоздким и неуклюжим. И обернулся Лавров так, будто преодолевал страшное сопротивление, будто все его тело было сделано из проржавевшего металла.



Сквозь открытую дверь комнаты при слабом коридорном свете он увидел лицо Славика. Тот улыбался, показывая редкие белые зубы. Дверь открылась шире и Славик вошел в номер. За ним боком протиснулся Коля и, оглянувшись в коридор, сказал негромко:

— Входи, Леха, здесь он.

И в комнату вошел еще один парень — высокий, с прямыми жесткими волосами, слегка сутулый. Вошел он как-то неуверенно, будто не хотел идти сюда, но его все-таки заставили. И на Лаврова он посмотрел чуть ли не с извиняющейся улыбкой.

— А ведь и уйти мог, а! — воскликнул Славик, поворачивая ключ в двери. — Запросто мог.

— Куда он уйдет, — протянул Коля и посмотрел на Леху, словно ожидая похвалы.

Тот долго молчал, с недоверчивой улыбкой разглядывая хозяина номера, потом подошел к нему совсем близко и, вынув зажигалку, поднес огонек к сигаретке, которая вздрагивала в губах Лаврова. Потом вздохнул, провел устало рукой по лицу и повернулся к своим друзьям.

— Ошиблись вы, Коля. Не он.

— Как не он?! Я же видел его! Тогда еще!

— Ты видел, а я с ним плавал! Не он. Пошли...

И Леха направился к выходу. Но уже возле двери обернулся.

— Ты извини, друг... Ошиблись ребята маленько... Бывает. Ты по специальности кто?

— Строитель, — быстро ответил Лавров, не зная, как вести себя, как повернутся события.

— Вот видишь, Коля, строитель он. Ты никогда не плавал? — снова повернулся Леха к Лаврову.

— Нет.

— Вот видите, ребята, не плавал он. И не знает даже, что это такое. Ты ведь не знаешь, что это такое — плавать полгода в море?

— Нет. Не знаю, — послушно ответил Лавров.

— Вот видите, ребята... И Злодея он никакого не знает... Это пес у меня был такой... А Злодей — кличка его. До чего умный... я ему в подметки не годился. Славная была собака, — сказал Леха тихо и уж как-то очень искренне, будто о брате говорил. — Несколько лет мы вместе ходили на БМРТ, пока один тип не выбросил его за борт. Ночью. Но это был не ты, я сразу понял... Ошиблись ребята. Извини...

— Конечно, что вы! — быстро ответил Лавров. А Леха чуть заметно усмехнулся, услышав обращение на «вы».

— Так вот, тот тип на БМРТ... Трус он был, да и человек довольно подловатый... Хотя страшно закаты обожал, на солнце любил смотреть, когда оно в море опускалось, и чтоб ветер волосы ему трепал. Прямо балдел от счастья. Очень он себе нравился, хотя как человек был невысокого пошиба. На берегу, в городе, на материке это не так заметно, а в море — сразу. Люди это видят, понимают, а собаки чуют.



Вот и мой Злодей того типа раскусил, раньше нас всех... Ну, а рыбаки — ребята простые... Едва собака на него залает — смех... Так он не придумал ничего лучше, как собаку утопить. По ночам он иногда звездами любовался, вот и выбрал момент... Подлый тип, верно?

Лавров промолчал.

— Правда, ведь подлый тип? — повторил свой вопрос Леха, не спуская глаз с Лаврова.

— Да... Конечно...

— Что «конечно»?

— Подлый... тип... — с трудом сказал Лавров.

— Вот и я говорю. И ребята то же самое говорят. До сих пор. И ты, оказываясь, с ними согласен... Ведь согласен?

— Конечно.

— Ну, ладно, — удовлетворенно вздохнул Леха. — Идемте, ребята. — И он направился к двери. Но опять остановился: — Слушай, строитель, если ты когда-нибудь выйдешь в море, не вздумай выбрасывать собаку за борт. Не надо. Я, например, никогда не выбрасываю... Собак... За борт. Хотя знаю некоторых... с которыми стоило так поступить. Согласен? Спрашиваю: согласен?

— Д... да... — выдавил из себя Лавров.

— Ну, будь здоров, — сказал Леха и вышел, уже не оглядываясь.

— Всего, с т р о и т е л ь, — попрощался Коля.

— Гарун бежал быстрее лани, — процитировал Славик и аккуратно закрыл за собой дверь.

Лавров бросился было следом, чтобы запереть дверь, но остановился, бессильно опустив руки, опустошенно подошел к окну и опять увидел далеко в море одинокие огоньки судов. Он представил себе, как разрезают они сейчас волны Татарского пролива или Японского моря, как смотрят там ребята на огни проплывающего мимо города и вдруг невольно на какую-то секунду вновь ощутил в своих руках живое, бьющееся тело собаки, ее протяжный, затихающий, удаляющийся визг, внезапно оборванный слабым, невидимым всплеском у высокого борта.

— Помнит, значит, меня Леха, — проговорил он негромко. — Не забыл, значит...

Неприятное, гнетущее чувство в душе все росло. Лавров не мог понять, в чем дело. Он походил по номеру, еще раз умылся под краном, словно на руках у него до сих пор была липкая тина, в которую упал на берегу. Потом спустился в ресторан, посидел несколько минут за столиком, и снова поднялся к себе, не дождавись официанта.

— Противно, — время от времени повторял он. — Противно...

Он уже знал, что в памяти от сегодняшнего вечера останется не розовый свет над морем, не мальчишки, которые так радостно волокли светящихся осьминогов по мокрому песку, и не эти вот слабые огоньки проходящих судов. Запомнится страх, там, на пустынном берегу,



ощущение тины на пальцах и этот насмешливый, почти забытый взгляд Лехи. Перед собой Лавров не кривил душой, и хотя теперь понимал, что ребята просто припугнули его маленько, наверняка знал — страх запомнится.

А с той путины запомнился собачий визг...

— А еще? Что еще?! — почти иступленно спрашивал себя Лавров, прижавшись лбом к оконному стеклу, охлажденному ночным ветром с моря. Он понимал, что если когда-нибудь ему суждено будет вернуться на материк, то от этих лет, от этих мест в душе останется не чистое, возвышающее волнение, не мерцающий воздух Невельска, не лиловая полоска Японии на горизонте, не горные ручьи Шикотана, заменявшие местным жителям дороги, останется в душе собачий визг. И от этой мысли такая горечь охватила все его существо, что на свое темное изображение в окне он посмотрел сочувственно и даже с уважением.

В эту ночь ему почему-то снились куры, заколоченные в деревянные ящики, в которых обычно их возят на базар. Куры кудахтали, перебирали когтистыми ногами, хлопали грязными крыльями и сквозь щели в ящиках смотрели на Лаврова круглыми, немигающими глазами. И были в этих глазах настороженность и ожидание. Они чего-то ждали от него, он знал даже чего именно, но, когда проснулся, вспомнить не смог.

Подойдя к окну, Лавров увидел залитое солнцем белесое море, а невдалеке от берега нерп — их головы торчали из воды черными пнями.

— Надо же, — сказал Лавров. И пошел умываться.

## ОВЕРКИЛЬ

Катер бурлил воду и медленно-медленно приближался к причалу. А едва коснулся ободренным бортом деревянной балки, Горбунов, оттолкнувшись, грузно прыгнул вниз. Доски причала прогнулись под ним, на секунду из них вынырнули шляпки гвоздей и тут же скрылись. Горбунов долго смотрел, как отходит катер, а убедившись, что все в порядке, свел руки за спину и размеренно зашагал к поселку.

Уже выходя из порта, он остановился на деревянном мосту, закурил и стал смотреть в быструю и мутную осеннюю реку. Где-то в сопках прошли дожди, и по реке плыли корни, сучья, листья. Сморщив тяжелый лоб, Горбунов наблюдал, как все это выносилось в море, рассеивалось и постепенно исчезало из виду. Море было серым и спокойным. Только тучи у горизонта и ветер, пока еще солнечный ветер, вызывали тревожное беспокойство.

Не докурив, Горбунов положил сигарету на палец и щелчком



бросил ее в воду. Описав дугу, она мелькнула на волне и скрылась. А потом, уже не видя ни речки, ни сигареты, он все смотрел в это место, пока кто-то не окликнул его.

— Привет, шкипер! — услышал он за спиной.

— Привет, — ответил Горбунов, хмуро глянув из-под бровей в спину уходящему.

Стояла теплая сухая осень, и сопки вокруг поселка покрылись разноцветными пятнами. Каждое дерево умирало по-своему, выбрасывая напоследок краски, которые таились в нем все лето. Горбунов шел, не отрывая взгляда от серого деревянного тротуара, и отставшие доски под его ногами шлепали с каким-то неприятным, раздражающим звуком.

Когда он подошел к дому, солнце было уже затянуто тучами, а ветер стал резче и холоднее. Горбунов толкнул ногой калитку и, не глядя, как она забилась, затрепетала за его спиной, зашагал к дому. Заглянул в комнату, в коридор, словно надеясь увидеть там кого-нибудь, и, не раздеваясь, сел к столу. С силой потер жесткий, небритый подбородок. Подойдя к зеркалу в деревянной рамке, долго рассматривал себя, угрюмо переводя взгляд со слипшихся под шапкой волос на густые брови, на крупный обветренный нос, сухие, потрескавшиеся губы. Потом, будто собравшись с духом, глянул себе в глаза. И отвернулся. Ему показалось, что кто-то идет по двору. Резко повернулся, посмотрел в окно. Нет. Тропинка к крыльцу была пуста.

Подойдя к кровати, Горбунов сел, откинулся на подушку, заложил руки за голову. И через полчаса заснул. А проснулся от грохота ставен. За окном была ночь, в стекло стучали частые капли дождя. Горбунов прошел на кухню и зажег свет. Часы показывали около девяти вечера. Надев брезентовый плащ с капюшоном, он погасил свет и вышел на улицу. Ветер рванул длинные полы, загрохотал ими, а по капюшону забарабанили капли.

Где-то до двадцати пяти лет Горбунов жил с ощущением, что каждый день, каждая встреча, поездка могут все изменить, перевернуть вверх ногами. Он жил в радостном ожидании перемен. Не географических перемен — они для него уже тогда стали буднями, Горбунов ждал перемен в жизни. И не важно — хуже будет или лучше. Хорошо уже то, что будет «не так». А теперь поймал себя на мысли о том, что ничего уже не изменится. Куда бы он ни бросался, что бы ни предпринимал, все останется так, как есть. Он мог уехать на Камчатку, на Курилы или материк, но везде его ждал такой вот порт из двух приземистых сараев и причала, буксировочный катер, поселок...

— Старостью подудло, — сказал Горбунов вслух, но этих слов не услышал бы и попутчик. Их сразу подхватило порывом ветра и унесло в море. — Когда человек не верит в перемены, это значит подудло



старостью. И тут уж ничего не поделаешь. Хоть волком вой, хоть соловьем свищи.

Ветер все усиливался, и Горбунов в ста метрах от моря чувствовал на губах соленые брызги, а по его капюшону стучали не только капли дождя, но и сорванные ветром верхушки волн. Начинался шторм. Увидев свет в окне портовой диспетчерской, Горбунов направился туда.

— Во! — закричал ночной дежурный Вадюхин — старик вечно небритый и вечно пьяный. — Пришел! Слава те господи! Сейчас отчаливаем!

— Кто отчаливает? Куда?!

— В море! В море! — кричал Вадюхин с каким-то истеричным восторгом.

— Ну ладно, хватит голосить. — Горбунов сел на койку, не торопясь, вытащил сигарету и закурил. — Что там у тебя?

— Плашкоут! Понимаешь, растакая твоя душа — плашкоут оборвался! Унесло!

— Ну и черт с ним. — Горбунов сидел на койке, провалившись в растянутую сетку, и, казалось, никакая сила не поднимет его сегодня.

— Это как? — Вадюхин стоял перед ним, чем-то напоминая ободранного, но воинственного петуха. Тоже в брезентовом плаще, пиджаке с обтянутыми поллитровками карманами и тельняшке, старик тяжело дышал.

— Ты что пил-то сегодня? — спросил Горбунов.

— Что надо, то и пил! Свое пил! Во!

— Ложись, отдыхай. Я посижу.

— Люди! Люди на плашкоуте! — вдруг завизжал старик. — Понял?! Люди!

— Какие люди? С чем плашкоут-то?

— Со щебенкой!

— Откуда же люди?

— Может, парни посидеть забрались, в картишки перекинуться... Мало ли... Их и оборвало. Я уж за ребятами с твоего катера послал... И за тобой тоже. Вот ты первый пришел. Факел какой-то исделали и машут. — Вадюхин подпрыгнул к окну и, на секунду замерев, обернулся к Горбунову. — Во! Машут! Смотри!

Горбунов тяжело поднялся, неохотно подошел к окну, бросил по дороге сигарету в ведро у двери, и, прикрыв глаза от света, долго всматривался в темноту.

— Что-то мелькает, — сказал он.

— То-то и оно, что мелькает! А ведь перевернуться могут, ой как запросто! — Вадюхин горестно покачал головой.

— Щебенка, говоришь, на плашкоуте?

— То-то и оно, что щебенка! Перевернутся! Как говорится — перекиль! Вверх килем — и будь здоров! Во!



Горбунов запахнул плащ и вышел на крыльцо. Отсюда ясней был виден маленький, пропадающий огонек где-то далеко в море. Он хорошо представлял себе, что сейчас там делается. Плашкоут, эта железная неповоротливая баржа, в любой момент может стать бортом к хорошей волне, и щебенка переместится на один борт. Пусть немного, но переместится. Следующая волна сделает больше. А потом, потом плашкоут попросту перевернется. А море холодное. В нем долго не продержаться. Полчаса... вряд ли хватит кого на полчаса.

Минут через десять подошли ребята. Молча выслушали Вадюхина, повернулись к Горбунову.

— Что будем делать, шкипер?

— А что делать, — вздохнул Горбунов. — Не хочется сейчас в море идти... Нехорошее оно. А идти придется. Никуда не денешься. Потом никуда не денешься, — уточнил он. — Так что, хотим мы того или нет, надо идти. Вот такие, братцы, дела.

— Может, к начальству сходить?

— Зачем? Если скажет не идти, ты что же, не пойдешь? — в словах Горбунова прозвучала издевка. — А если скажет, что идти в море все-таки надо, у тебя усердия прибавится? Пошли.

Катерок отошел от берега и будто провалился куда-то. Горбунов слышал, как что-то кричал с причала Вадюхин, потом его голос потонул в гуле ветра. Огонь впереди был виден, только когда катер вскидывало на волну. А потом он и вовсе пропал. То ли факел там у них догорел, то ли водой его залило. Но катерок шел вперед. Иногда слышался надсадный вой мотора, и все знали — винт повисал в воздухе. Давно уже исчезли огни порта — несколько лампочек на столбах, а катерок все шел и шел. Вспыхивающий время от времени прожектор упирался в сплошную стену дождя.

Плашкоут они заметили как-то неожиданно близко. Все вдруг увидели чуть правее курса темную массу. Тяжелую баржу гнало в море, и остановить ее сейчас, развернуть, подтащить к берегу казалось совершенно невозможной затеей.

— Кто прыгать будет? — спросил Горбунов.

— Давайте решать... — Рулевой, молодой парень с торчащей из фуфайки тонкой шеей, закусив губу, прожектором ощупывал щебенку на плашкоуте. Груз в норме, — сказал он. — Сдвинулся, но в норме. Можем успеть.

— Прыгнешь? — спросил его Горбунов.

— Попробую.

— Не надо пробовать, — сказал механик, не отрывая взгляда от плашкоута. Придется, шкипер, тебе прыгать. Больной он. С постели поднялся.

Катер был уже совсем рядом, и теперь главное — не столкнуться, не грохнуться о стальную многотонную громаду. Механик прожектором высвечивал место на плашкоуте, куда можно прыгнуть. Катер то



уходил вверх, взмывая над бортом, то вдруг оказывался далеко внизу. Горбунов прыгнул в тот момент, когда катер, достигнув верхней точки, начал падать. Он с силой оттолкнулся от металлической ступеньки и, пролетев метра полтора над пропастью, упал на плашкоут. Его с силой швырнуло в сторону, бросило, и он очнулся уже лежащим на щебенке, вцепившись пальцами в острые мелкие камни. Хотел было подняться, но тут яркий свет прожектора ударил ему в лицо.

— Держи! — услышал он крик. — Бросаю!

Горбунова охватила радостная злость. Он удачно прыгнул, пролетев над смертью, а сейчас был уже на плашкоуте, держал в руках конец троса. Все шло отлично. Горбунов перебрался на нос, закрепил трос и, как только прожектор с катера снова ударил ему в лицо, сорвал с головы кепку и помахал ею.

— Давай! — крикнул он. — Готово!

Трос натянулся, напрягся и плашкоут, будто почувствовав чью-то твердую руку, стал медленно разворачиваться носом к берегу, к ветру, к волнам. Горбунов еще раз проверил прочность узла, прислушался к рокоту катера — мотор работал ровно, уверенно. Полез было за сигаретами, но нашел в кармане лишь табачную кашку. И только тогда вспомнил, что где-то здесь, на плашкоуте, должны быть люди. Он удивился, забеспокоился. Хватаясь за поручни, быстро направился в рубку. Она была пуста. Горбунов кинулся в кубрик. И облегченно вздохнул, увидев, что он задраен изнутри.

Сначала постучал кулаком, потом, схватив осколок камня, начал колотить им по крышке. «Живы!» — радостно подумал он, услышав внутри движение. Крышка откинулась, и он привычно, не глядя, соскользнул вниз. Сначала увидел парня, который задраивал за ним люк. Это был Анатолий, портовый шофер, длинный, поджарый детина с лохматой головой.

— Привет, Толик! Что, перетрухал? Эх, крыса ты сухопутная! — счастливо засмеялся Горбунов, довольный тем, что имеет самое что ни на есть прямое отношение к спасению этого парня. — Щебенка-то уже на правый борт пошла, еще минут пятнадцать и...

Горбунов замолчал и невольно оглянулся назад, куда неотрывно смотрел Анатолий. В самом углу, на узкой койке сидел второй человек. Горбунов шагнул в угол, наклонился и при свете тусклой, задраенной мутным стеклом лампочки, увидел Веру, продавца единственного в поселке магазина. Она не сдвинулась с места, только нерешительно, слабо протянула руку вперед, будто защищаясь.

Горбунов замедленно посмотрел на ее мокрые волосы, глянул в черные, с косинкой, глаза, тронул пальцами кофту, опустил глаза на крепкие, тяжеловатые колени...

— Дела, — протянул он, вытирая рукавом лицо, по которому сох пор стекала вода. И подумал: «Вот это уже настоящий оверкиль!»



— Дела,— повторил он и скривился в нервной усмешке.— Тяжелый у тебя хлеб,— сказал Анатолию.

Плашкоут качнуло, и Горбунов невольно сел на койку. И увидел, как сжалась, подобрав под себя ноги, Вера, как она глубже втиснулась в угол.

Не говоря больше ни слова, Горбунов встал, натянул кепку и поднялся на палубу, с силой захлопнув за собой крышку люка. Несколько минут он стоял, ухватившись за какой-то выступ. Потом зашел в рубку. Горбунов смотрел с таким выражением, будто видел через стекло безоблачное небо, искрящиеся на солнце волны. Он любовно гладил отполированный ладонями штурвал, надежный и верный круг. Именно надежности и верности не хватало ему очень долго, и сейчас он радовался, находя то и другое в этой тяжелой посудине. Где-то в глубине резал ледяную воду руль — на него тоже можно положиться, пока его не разобьет о камни, о прибрежные скалы. И палуба под ногами. И вот рубка.

Горбунов ощущал прочное единство, чуть ли не родство с этим немало поплававшим плашкоутом. И с катером, который из последних сил тянул трос. Трос... Его захлестывала волна. Горбунов слышал, как он трется, скрежеща скользит по железной обшивке плашкоута, и понимал — ему сейчас тяжело. Он невольно сдерживал дыхание, крикutel, словно это он, шкипер, держится одной рукой за катер, а другой — за плашкоут. Когда трос показывался из воды и плашкоут делал рывок вперед, Горбунов расслаблялся, переводил дыхание.

Волной в рубке выбило стекло, и теперь дождь вперемежку с солеными морскими брызгами хлестал прямо в лицо. А Горбунов улыбался. Впереди его ждет залитый дождем порт, поселок, завтра он увидит из окна сопки, нависшие над поселком. Влажные, душистые сопки — при одном только воспоминании о них в груди Горбунова сладостно защемило, заныло, и он даже придержал дыхание, стараясь подольше сохранить в себе эту счастливую боль. Да, наутро поселок будет засыпан желтыми листьями, прилипшими к деревянным тротуарам, почерневшим заборам, стенам домов, а море будет серым и виноватым, а в самом запахе осеннего воздуха будет что-то тревожное, и вспомнятся дни, о которых вроде совсем забыл, а они, оказывается, живут в тебе...

И вдруг все изменилось. Горбунов сразу догадался, в чем дело. Лопнул трос. Плашкоут начал как-то охотно и легко подчиняться ветру, волнам. Катер по инерции прошел еще около сотни метров, и огни его почти пропали в темноте. Потом они показались снова, уже в стороне, и Горбунов понял, что ребята разворачиваются. Но когда плашкоут развернуло бортом к волне, Горбунов увидел, что щепенка, мокрая, тяжелая, пропитанная водой щепенка, чуть зашелестев, сдвинулась с места и подползла к самому борту. Плашкоут накренился, и Горбунов в немыслимой надежде стал ждать, что он



снова выровняется. Волна прошла, плашкоут немного подался назад, но остался наклоненным.

Теперь все решат минуты. Даже если ребята успеют подойти и снова зацепить трос, даже если они успеют это сделать... Нет, ничего не изменится. Плашкоут обречен. Так и есть. Еще один удар волны, и первые мелкие камешки посыпались в море. От другого борта щебенка ушла уже на метр-полтора. Еще три-четыре волны... Надо что-то делать... Секунды... Минута в лучшем случае... Минута... Десять секунд прошло. Плашкоут, казалось, из последних сил, скрипя старыми железными суставами, пытался выпрямиться, но слишком тяжел груз, слишком велика волна...

Прыгать в воду? Его не найдут... Правда, можно сбросить круг и привязаться к нему, ребята будут искать... На круге он продержится. А те... голубки... Черт бы их побрал!

Горбунов гулко пробежал к кубрику, попытался открыть люк, заколотил по нему сапогами, и сразу же там внизу послышалось движение. Крышка откинулась, он соскользнул вниз и тут же захлопнул ее за собой.

— Сейчас перевернемся... — сказал Горбунов, ни на кого не глядя. Оверкиль. Держитесь за что-нибудь.

— Как перевернемся?! — спросил Анатолий. Он оттолкнул Горбунова и начал открывать люк. Но было уже поздно. Плашкоут накренился, их резко бросило на стенку, потом отшвырнуло от нее, и они со всего размаха упали на потолок. Раздался грохот падающих вещей, визг Веры. Наступила темнота.

Горбунов почти увидел, как сотни тонн камня, легко оторвавшись от палубы, рухнули вниз и понеслись ко дну, рассеиваясь и захватывая с собой всю живность. Он почти увидел, как щебенка вспучила и замутила дно, как беспомощно и судорожно двигали клешнями раздавленные крабы, замирали под тяжестью рыбы, а на поверхности в свете прожектора поблескивало мокрое и помятое дно плашкоута.

— Фонарь есть? — спросил Горбунов.

— Есть, — ответил Анатолий. — Вот...

Вспыхнул слабый луч. Они сидели на потолке, а над ними в мокрых следах от сапог темнел пол кубрика. Через некоторое время под ногами появилась лужа. Вода начала просачиваться внутрь. Поплыли папиросы, шапка, бумажки...

— Что делать будем, шкипер? — спросил Анатолий.

— А ничего... Ждать будем. Хотя и смысла в этом нету. — Последние слова Горбунов добавил не потому, что уже не верил в спасение, а просто, чтоб не сглазить.

— Что... и ничего нельзя сделать?

Вера заголосила в углу, уткнувшись лицом в замусоленную плоскую подушку.



— Чего молчишь?!— вдруг заорал Анатолий.— У тебя же спрашивают! Что можно сделать?

— Ты ничего не можешь,— ответил Горбунов.— Все, что мог, ты уже сделал. Теперь отдыхай.

Горбунов представил себя на месте ребят. Они должны знать, что мы в кубрике, что можем продержаться какое-то время. Им нужно зацепить плашкоут и тащить его к берегу. Там можно добраться до нас, дожидаться отлива... Значит, надо продержаться.«Скоро здесь будет жарко,— подумал он.— Воздух уже того, давит...»

— Слушай, шкипер,— заговорил Анатолий.— Может, нам уже не выбраться... Я хочу сказать тебе...

— Ну, скажи. Интересно даже.

— Глупо все вышло, по-дурному.

— Да уж куда глупее... Лучше бы вам в крытую машину забраться. Или, на худой конец, в сарай... Век бы никто не догадался. Да мало ли куда можно спрятаться... Вон свинарник второй год пустует.

— Не надо, шкипер. Когда живешь в такой дыре, разве знаешь, в какую сторону тебя завтра занесет.

— При чем же дыра? Дыра там, откуда уйти нельзя, где держат против воли. И город с троллейбусами дырой может стать... Такой дырой! А если человек свободный — нет для него дыры.

— Знаешь, шкипер, ты как хочешь... ну... подонком я себя чувствую, пойми.

— Не потому ли, что со мной связался?— негромко спросила Вера.— Может, запачкался?

— Ты не обижайся, Вера, на тебя я бочку не качу.

— Ладно, кончайте,— сказал Горбунов.— Хватит.

Говорить стало трудно. Прошло уже более часа с тех пор, как они перевернулись. Воздух сделался будто загустевшим. Вода, просачиваясь снизу, сжимала его все плотнее. Они стояли в темноте молча, ледяная вода поднялась уже почти до колен. Снаружи слышался грохот волн, перекачивающихся через дно плашкоута. Шторм не утихал.

А у ребят трос лопнул, думал Горбунов. Старый оказался трос. Свяжут? Или сумеют обрывком зацепить? А если пойдут за новым тросом, нас потерять могут. Нет, не пойдут... Да, ведь на катере один больной... Тяжело. Плашкоут обратно в море погнало... Дела...

Неловко повернувшись, Горбунов толкнул коленом что-то твердое, плавающее в воде. Оказалось — лопата. А если попробовать... Ведь между дном плашкоута и полом чуть ли не полметра... Там должен быть воздух. Свежий, чистый... Горбунов встал на табуретку и принялся лопатой долбить пол над головой. Если удастся пробить дыру, они смогут продержаться еще какое-то время. Он долбил, долбил, стараясь, чтобы острие лопаты попадало в одно место вдоль



волокон досок. Горбунов почувствовал, как ему на лицо падают мелкие щепки. Но тут же, оступившись, поскользнулся и рухнул в воду. И сразу намок, отяжелел.

Его сменил Анатолий.

Удары гулко и болезненно отдавались в голове, будто кто-то колотил по ней деревянным молотком, колотил долго, по одному месту, и Горбунов снова взял лопату. Время от времени он скреб ею по потолку, нащупывал поврежденный участок, снова бил в это место. И наконец услышал шипение. Уходит воздух, подумал он.

Лопата застряла и уже не выпадала из щели. Горбунов начал вертеть ее, наклонять и, оттянув, выломал доску. Сверху хлынул свежий воздух, но тут же поднялась вода, плашкоут заметно осел. И вдруг Горбунов понял, что их только двое — Вера и он. Не слышалось дыхания третьего человека. Разведя руки, он пошел в одну сторону, в другую — Анатолия не было. Тогда он опустил руки, стал шарить ими в воде и, наконец, наткнулся на шофера. Горбунов с трудом поднял его над поверхностью воды, отдышался и принялся бить Анатолия ладонью по щекам. Бил сильно, зло, не переставая, пока шофер не закашлялся, не задержался у него в руках.

— Стой здесь, — прохрипел он, — держись за поручни...

Горбунов прошел к столу. Лямочная, пропитанная ледяной водой одежда сковывала движения, казалась непомерно тяжелой. Он забрался на стол, нашел дыру над головой и с усилием выломал еще одну доску, потом, вставив черенок лопаты, как рычагом выломал еще одну. Теперь над ним была дыра, в которую можно было пролезть.

— Вера, — позвал он. — Давай сюда... Доберешься?

Он наугад вытянул в темноте руки и, ухватив Веру, помог ей взобраться на стол.

— Лезь туда, — сказал он. — В дыру...

— А ты?

— Лезь, говорю!

Горбунов подсадил ее, Вера ухватилась за металлическую переборку.

— Я не могу, — проговорила она сдавленно. — Здесь тесно... Задохнусь...

— Лезь... Лезь! — хрипел Горбунов, подсаживая Веру.

Потом он пошел к Анатолию, подволок его к столу и приподнял парня так, чтобы его голова оказалась в дыре.

— Тащи его! — сказал он Вере. — Можешь?

Вдвоем они с трудом втиснули длинное тяжелое тело в щель между полом и дном плашкоута. И тут Горбунов почувствовал, что больше не в силах сделать даже шага.

— Ну, что же ты... — услышал он голос Веры.

— Не получится... Тяжел я... Не протиснусь.



Передохнув, он прошел в угол, стал на какой-то ящик, ухватившись за холодные мокрые поручни. И, уже теряя сознание, понял, что даже если умрет, не разожмет пальцев.

...Очнулся Горбунов от ярких искр, которые сверкали у него перед глазами. Он увидел автогенное пламя и жидкие капли металла, с шипением падающие в воду. Потом, когда его уже вынесли на берег, приподнялся на локтях и оглянулся. Плашкоут косо и беспомощно сидел кормой в воде, будто мертвый кит, выброшенный на берег. Его ржавое помятое дно было вспорото, в нем зияла дыра... Как рана, подумал Горбунов.

— Благодарю Вадюхина!— будто издали услышал он и увидел над собой несчастного и радостного старика.— А то, что хотели делать, злодеи,— еще в море автогеном вскрыть! Затопили бы вас, как консервную банку из-под... из-под морской капусты. Вадюхин догадался, предупредил! Сначала бульдозером на берег подтащите, а потом уж режьте на доброе здоровье! Во дает старик, а! Скажи спасибо Вадюхину!

— Ну, спасибо, Вадюхин.— Горбунов улыбнулся и тронул руку старика. Вечно небритого, кричащего и пьяного старика. Он откинулся на носилках и почувствовал запах мокрых листьев, услышал шум моря, чуть скосив глаза, увидел влажные сопки. «Выживу,— подумал он успокоенно.— Теперь-то уж выживу».

## ГОЛОСА РОДНЫХ И БЛИЗКИХ

Июнь — это не тот месяц, который стоит проводить в Макарове, и что представляют собой номера макаровской гостиницы в июне, я уже знал. Сырой воздух, тяжелые подушки, холодные простыни, от одного вида которых пробирал озноб, да еще эти разноцветные потеки на стенах... Влажными были даже шторы. Я всегда старался побыстрее выбраться отсюда.

Едва я вошел в номер, с кровати поднялся высокий, худой мужчина с большими растерянными глазами. О нем так и хотелось сказать — белобрысый, хотя это слово не очень-то вяжется с человеком, которому давно за сорок. Вряд ли он был счастлив, или, на худой конец, доволен собой. Он стоял у кровати, переминался с ноги на ногу и никак не мог придумать — что бы такое сказать.

— Извините, — вдруг проговорил он высоким голосом, у него и голос оказался высоким, — вы здесь будете жить?

— Жить не жить, а переночевать придется.

— Да, место не очень уютное...

— Давно на острове? — спросил я.

— Третий год. Скоро будет три.— В его голосе прозвучало что-то



детское. Так отвечает ребенок, когда хорошо знает, о чем его спрашивают.

— Не надоело?

— Какое это имеет значение, — улынулся он. — Так или иначе, я живу здесь, в этой гостинице... Работаю экономистом на бумажной фабрике... И они на семьдесят процентов оплачивают мои гостиничные счета...

— Кажется, вам здесь не очень весело?

— Откровенно говоря, мне никогда не было очень весело... Да я и не думаю, что к этому нужно стремиться... к веселью, — ответил он. — И, знаете, коль уж нам придется ночевать вместе, давайте познакомимся... Меня зовут Костя.

Пока я вешал плащ в отсыревший шкаф с незакрывающимися дверцами, он стоял у окна и смотрел, как рваные клочья тумана медленно затопляли распадки, расползались по улицам. Верхушки сопок, еле видные за пеленой дождя, были отрезаны от земли туманом и, казалось, плавали в воздухе. Туман проникал в дома, в квартиры, просачивался сквозь одежду. В этот день я проехал полсотни километров в кузове грузовика и чувствовал, что туман добрался до самых костей. Нет, такую погоду не назовешь приятной.

— А между тем месяц назад здесь была отличная погода, — сказал Костя, не оборачиваясь.

— Что же с ней случилось?

— А вы не знаете? — обрадованно обернулся он. — С севера пошли льды Охотского моря. Они только сейчас начинают откалываться. И плывут на юг вдоль всего острова. Отсюда и похолодание, и дожди, и эти вот туманы...

— Сколько же им еще идти?

— В июле погода установится. В августе — это уж точно.

— Ну, спасибо, утешили, — улынулся я и направился к выходу. И, пока шел, чувствовал, что он смотрит мне в спину, мучительно хочет что-то сказать и никак не решится. Я невольно обернулся и увидел чуть ли не ужас в его глазах. Потом уж до меня дошло — он боялся остаться один.

— Постойте, — сказал он так, словно эта мысль только сейчас пришла ему в голову, — а не поужинать ли нам вместе, — и столько вымученной непосредственности было во всей его фигуре, в улыбке, во взгляде... — Надо же чем-то заняться... Идти некуда, а сегодня суббота... завтра воскресенье...

Увидев, что я согласен пойти с ним, Костя засуетился, подтянул ремень на брюках, набросил на себя серый пиджак с обвисшими плечиками, одним шагом пересек комнату и согнулся перед низко повешенным зеркалом, чтобы пригладить длинные прямые волосы. Он прошел вперед, показывая мне, где ресторан, и я видел, как развешаются его широкие штапельные штанины. Коридор был узким,



мы не могли идти рядом, и Костя поминутно оглядывался, будто хотел убедиться, что я не нырнул в какую-нибудь боковую дверь. По всему было видно, что ему в самом деле приятно от того, что мы идем в ресторан. Его глаза заговорщицки светились, будто мы двое, только он и я, знали что-то, словно между нами существовал какой-то сговор.

Я уже бывал в этом ресторане с маленьким залом, лиловыми стенами, желтыми занавесками и жирными полиэтиленовыми пленками поверх скатертей. Мы сели за столик в самом углу. Подошла официантка и сказала, что, кроме пива, ничего нет. Но выслушав путаную речь Кости, обещала еще раз посмотреть в своем шкафчике.

— Вы знаете, — сказал Костя, когда она отошла, — все-таки самое страшное бывает не в тех случаях, когда нечего выпить или не на что. Это пустяки... На нет и суда нет. Хуже всего, когда не с кем выпить.

— А бывает и такое?

— Ого! Еще и как бывает! И вот тогда становится паршиво по-настоящему. Не скажу, что водка доставляет мне такую уж радость, но она стала этаким ускорителем общения, вы согласны? Темпы жизни скоростные, времени у всех мало, добиваться духовной близости обычными методами, темпами... слишком накладно... По времени накладно. Вы согласны?

Я был согласен. Не раз приходилось замечать, как людям после целого дня стерилизованных отношений на работе, хотелось самого простого — беззаботной болтовни о прошлогоднем снеге, о завтрашней погоде. И под шумок, между прочим, можно сказать и то, о чем плачут перепившись, о чем душа болит. В случайной забегаловке, за вторым или третьим стаканом белого крепкого можно рассказать о том, как выходила замуж твоя девушка, после чего перестал писать твой друг, почему тебе, кладовщику, бухгалтеру или снабженцу, неудобно встречаться со своими однокашниками.

Конечно, затевать такие разговоры на трезвую голову просто неудобно. Особенно с близким человеком. Обо всем этом можно говорить лишь с самим собой. Впрочем, пьяный разговор и есть разговор с самим собой. Кто знает, удержится ли хороший приятель от соблазна воспользоваться знанием твоих слабых мест. А случайный человек... Он забудет обо всем через минуту даже если и поймет что-то, даже если и услышит тебя.

Подошла официантка и молча поставила на стол бутылку сухого алжирского вина, заливные морские гребешки и красные ломти жареной кеты. В этот день по всему острову твердо выдерживалось рыбное меню. Во всех столовых, ресторанах, кафе можно было взять только дары моря.

— Знаете, — сказал Костя, — раньше стакан вина давал ощущение подъема, свободы, раскованности... Ощущение весны. Ты молод, ты все можешь, впереди большая интересная жизнь, тебя ждет прекрасная девушка и не позже как сегодня вечером ты познакомишься с ней, если не знаком до сих пор.



— В свое время все ощущают это и без вина.

— Да. В свое время. Потом такое ощущение мне давало вино. А сейчас, — Костя поднял не очень чистый стакан и посмотрел на его бликующие грани, — сейчас оно дает только аппетит. Ну и раскованность, скорее развязность. Но его продолжаешь пить, надеясь снова испытать то первое, безалкогольное опьянение... Смотрите! — вдруг крикнул он, показывая в окно. — Это он!

— Кто?

Но Костя не слышал. Мелькнула по залу его длинная фигура, и через несколько секунд он уже пробежал по улице мимо окна.

— Что? Один уже хорош? — спросила официантка, проходя мимо. Она брезгливо повела плечом и вскинула голову. Есть такие официантки, они никогда не упускают случая показать, как презирают людей, которых им приходится обслуживать.

Костя вернулся минут через пять, взволнованный, с радостными глазами.

— Это надо же! — воскликнул он. — Здесь, в центре острова, в этом глухом поселочке, встретить друга! Это надо же, а!

— Что же вы не позвали его?

— Да звал я! Спешит! Обещал вечером заглянуть в номер. Представляете, будет встреча!

И все. Начиная с этого момента Костя говорил только о своем друге, о том, как они встретятся, и что нужно сделать, чтобы эта встреча прошла на хорошем уровне. Мы наспех выпили вино и поднялись вверх. Костя упросил дежурную заменить простыню на столе, сам подмел комнату, протер сырую пыль на подоконнике, заново перестелил все койки. Потом ему пришла в голову мысль достать музыку, и он уже кинулся было в соседний номер за магнитофоном, но я остановил его.

— Зачем? Не будете же вы с другом танцевать...

— И то верно, — согласился Костя. И тут же принялся накрывать на стол. Он принес из ресторана несколько морских салатов, договорился о втором. Видя, что встреча намечается по высшему разряду, я достал из чемодана пару баночек с икрой, и Костя совсем растрогался. Он надел свежую рубашку и сбегал за утюгом, чтобы выгладить брюки.

— Оказывается, совсем не обязательно пить вино, чтобы ощутить себя молодым, — сказал я.

— Но мы же пили вино! — засмеялся Костя.

Потом он вспомнил, что видел в магазине какие-то хитрые деликатесы и умчался, попросив меня не отходить от телефона, потому что может позвонить друг.

— Звонил? — спросил он, когда, запыхавшись, вбежал в номер.

— Нет, не звонил.

По улице все так же медленно плыл туман, шел мелкий прямой дождь. Вершины сопок совсем скрылись в низких тучах. Костя не



отходил от окна, надеясь увидеть друга, как только тот покажется на улице. Иногда, чувствуя неловкость оттого, что столько времени он удерживает друга, Костя поворачивался ко мне.

— Представляете, мы жили в одном дворе, и его дом был как раз напротив нашего. По вечерам там всегда собирались доминошники... И когда мы садились вместе, нас никто не мог высадить! Представляете!

— Мы с ним учились в одной школе, только он был на два года старше. Он был ужасно рыжим, а сейчас у него ни одной веснушки... И все зубы вставные. Я у него спрашиваю, когда ты успел так состариться? А он смеется. Он всегда смеется.

— Знаете, это большое дело — иметь друга, к которому можно прийти, что бы с тобой ни случилось... Прийти и рассказать, не ожидая ни сочувствия, ни утешения, ни любопытства... Просто рассказать, и все. Рассказать и уйти.

Я хотел было включить свет, но Костя попросил меня не делать этого. Словно включить свет до того как придет друг, будет каким-то предательством по отношению к нему.

Ожидание становилось для Кости невыносимым, и он вышел в коридор, прошелся несколько раз из конца в конец. Проходя мимо нашей двери, он замедлял шаги, чтобы услышать звонок. Наконец, уже в девятом часу Костя не выдержал. Он надел плащ, фуражку с длинным прямым козырьком и резиновые сапоги.

— Пойду встречу его, — сказал он. — А то еще в темноте гостиницу не найдет... Он здесь проездом, остановился у какого-то сослуживца.

Из окна я видел, как Костя, постояв несколько минут на крыльце, поднял воротник и решительно двинулся в темноту.

По радио передавали концерт для рыбаков дальних экспедиций. Передача называлась «Голоса родных и близких». Если бы не обращения: «Здравствуй, Петя», «Здравствуй, Миша», «Здравствуй, Ваня», можно было бы подумать, что все время одна и та же женщина обращается к одному и тому же мужчине...

«У нас все хорошо... Скорее возвращайся... Удачного лова... Скучаю... Целую... Жду...»

Где-то у самых американских берегов тоже плыл сырой туман, шел дождь и бородатые ребята ждали этого часа, чтобы услышать родные голоса. А здесь ждали их телеграмм, писем... И весь остров, на сотни километров вытянутый с севера на юг, напоминал большой корабль, на котором очень многие чего-то ждали.

Костя вошел, резко распахнув дверь. С его плаща стекала вода, фуражка промокла насквозь. Увидев, что в комнате темно, он не стал ничего спрашивать. Постоял, потоптался у порога и снова вышел.

Потом неожиданно вернулся.

— Я, наверно, выгляжу смешно, — сказал он, — но, знаете, я почти три года не видел человека, которого бы знал раньше. Как на другую планету попал. В общем-то, расстояние не ощущается, какая-то



изолированность... Будто живу в своем городе, но только в районе, где никогда не был... А может, дело в другом... Может...

Он вышел, не договорив.

Я включил свет.

Накрытый стол сиял во всем великолепии. Казалось, он сам излучал свет. Оранжевыми искорками поблескивала красная икра. Морские гребешки, наоборот, излучали яркий белый свет. Жестко, как хирургические инструменты, сверкали ресторанные приборы.

Костины шаги я услышал в коридоре. Он побежал еще на улице, когда увидел свет в окне нашего номера. Распахнув дверь, остановился на пороге. Радость медленно сходила с его лица, хотя морщины, складки все еще были расположены в виде улыбки.

— Ну что ж... Я думаю, нам надо выпить,— проговорил он устало.— Не пропадать же добру.— Костя как-то замедленно снял плащ, бросил его на спинку кровати, положил фуражку на батарею и присел к столу. Потом, заметив, что вода с плаща стекает прямо на одеяло, поднялся и повесил его на угол двери.

Я видел, что ему сейчас не до разговоров, но пить коньяк и молчать тоже куда не годилось.

— Послушайте, Костя, как вы сюда попали?

— Как попал... Купил билет на самолет и прилетел.

— Зачем?

— А кто его знает... Хотя... Конечно, я знаю зачем я сюда приехал. Мне нужно было доказать, что я смогу сюда приехать.

— Доказать самому себе?

— Не только. Сам я никогда не сомневался в этом... Наверно, в любой компании есть человек, над которым каждый считает своим долгом пошутить. Но шутка остается таковой, пока она в единственном числе... Потом шутка становится насмешкой. Сколько бы не было в ней благожелательности и прочих... маскхалатов. Это одна из причин, причем далеко не самая главная... Но ведь мы не всегда руководствуемся главными соображениями, верно? Иногда пустяк заставляет сделать поворот... Осенний дым, снег на подоконнике, чей-то насмешливый взгляд... Мало ли... И я решил уехать. Ненадолго, но как можно дальше. И я выбрал этот остров. Знаете, люди имеют обыкновение пренебрежительно отзываться о вещах, которые им недоступны, которых боятся...

Он замолчал, глядя перед собой все с тем же выражением лица с морщинами, расположенными в виде улыбки.

— А почему бы вам не съездить в отпуск? По-моему, кроме права бесплатного проезда на материк и обратно, вы заработали где-то месяцев пять отпуска...

— Да, очевидно, придется съездить.

— Да почему придется?! Просто съездить. Или вас что-то держит?



— Держит, — улыбнулся Костя и с силой потер ладонью лицо. — Вы не поверите — боюсь.

— Боитесь? Чего?

— Засмеют. Видите ли, одни и те же поступки могут вызывать и самое неподдельное восхищение и столь же искреннюю насмешку. В зависимости от того, кто совершает эти поступки... Мне кажется, что поступки... как одежда... Они должны быть впору человеку... Ни на размер больше, ни на размер меньше. Этот мой бросок на остров — поступок на несколько номеров больше того, на что я имею право. Он висит на мне, как одежда великана. С этим поступком я кажусь себе смешным и неуклюжим. И не только себе.

— Я, например, ничего смешного не вижу.

— А! Вот вы, почти незнакомый мне человек, с которым я завтра расстанусь и никогда больше не увижусь, вы знаете, почему я так много рассказываю вам о своем друге? Потому что на другое не решаюсь. Боюсь. И вы меня боитесь. И все это очень грустно... Боже, сколько страхов! Страх показаться смешным, глупым, страх сказать не то, что положено, не то, чего от тебя ждут... Это давит меня, это все время меня гнетет! Я надеялся, что здесь, на острове, мне удастся избавиться от этого... Не удалось.

— Вам нужно обзавестись друзьями.

— Друзья само собой. Я чувствую себя преступником, когда вижу, что меня опасаются. Мне хочется броситься к человеку и закричать ему в лицо: да не бойся же меня! Раскройся! Я не предаю тебя, я вообще никогда никого не предаю!

Костя вскочил, подошел к окну, прижался лбом к стеклу, потом резко обернулся.

— Вы заметили, что люди чаще не объясняются в любви, а оправдываются в ней? А человек, совершивший благородный поступок, ищет для него какое-то не очень красивое оправдание... Пусть он это делает в шутку, но делает! Зачем? Какая-то непонятная мода на грубость, бесцеремонность... Даже искреннее участие стремятся выразить как-то пренебрежительно, словно боятся, что их могут заподозрить в порядочности. А вы замечали, как боятся люди сказать друг другу хорошие слова? Все ищут какие-то нейтральные, совершают нейтральные поступки, рассказывают нейтральные анекдоты... И так к этому привыкают, что даже перед самим собой боятся назвать вещи своими именами.

— А ведь вы тоже не раскрылись, — сказал я. — И слова ваши тоже довольно нейтральные...

— Да! Да, черт возьми! Потому что я так привык к этим стерильным словам, что не могу пользоваться другими! Это как спирт! Я не могу пить чистый спирт, потому что привык к разбавленному.

— Ну что ж, давайте выпьем разбавленного... За то, чтобы мы не опасались друг друга.



Я уезжал на следующий вечер, и Костя пошел меня провожать. Из гостиницы мы вышли, когда совсем уже стемнело. Дождь на какое-то время кончился, и только туман бесконечными валами сползал с сопок, переваливал через крыши домов и уходил в море.

До отхода поезда было время и мы пошли к берегу. Прилив еще не начался, и вдоль всего городка шла широкая песчаная полоса — едва ли не единственное место прогулок. В теплые вечера здесь катались на велосипедах, ездили на мотоциклах, мамы и папы чинно вышагивали, толкая перед собой детские коляски. Здесь знакомились с девушками, хвалились нарядами, сводили счеты. Песчаная полоса вдоль моря стала постепенно главной улицей. Влажный песок был настолько плотен, что позволял даже надевать туфли с высокими каблучками. И тут же, стоя по колено в воде, парни ловили рыбу, чилимов...

Сейчас полоса была пуста. Ни одного человека мы не встретили до самых пограничных вышек. Стояла такая тишина, которую можно услышать только здесь. В одну сторону простирался океан. Без единого всплеска. В другую — тайга. Без единого шороха. Какие шорохи в насквозь промокшем лесу!

Гудок паровоза мы услышали, наверно, километров за пятьдесят и повернули обратно.

Костя все-таки ошибался, говоря вчера, будто одни и те же поступки могут вызывать и насмешки и восхищение. Да, суд людей может быть самым различным, но главное не в том, кто совершил тот или иной поступок, главное — каковы мотивы, что заставило человека поступить так, а не иначе. Костя прав в другом: вернувшись, он действительно может не увидеть восхищения в глазах друзей. Его приезд сюда — вовсе не результат спокойного и мужественного решения, это бегство. Он бежал от неустроенного и одинокого себя там, на материке, надеясь здесь найти себя другим: уверенным, общительным, сильным. Но и здесь у него не хватило сил, чтобы сблизиться с людьми. И если он когда-нибудь уедет с острова, это будет очередная попытка избавиться от своей слабости и неуверенности. Очередное бегство. Наверно, все-таки любить людей и быть сильным в жизни — это почти одно и то же...

— А что ускорило мой отъезд, — неожиданно сказал Костя, — так это жена. Я долго не мог решиться уехать и начал с того, что написал жене длинную записку, в которой подробно объяснил, почему еду, куда, зачем... Она нашла ее в моем пиджаке, когда я уже почти отказался от мысли ехать куда-то. Боже, как она смеялась! Радостно, искренне! По ее щекам катились слезы, она упала на диван и продолжала хохотать, чуть ли не дрыгая ногами. Никогда она так не смеялась, да и вряд ли ей суждено еще когда-нибудь... Через неделю я уехал.

— Не жалеете?



— Трудно сказать... Знаете, остров засасывает. Как бы мне здесь ни было плохо, я знаю, что дома буду мечтать только об одном — увидеть все это снова.

— Можно позвонить домой, это в общем-то несложно. Через спутник отличная слышимость.

— Я знаю... звонил... Слышно так внятно, будто я все еще там... У нее был такой улыбчивый голос... Ей до сих пор смешно. Смотрите! — показал он рукой в море. — Видите?!

— Что? Волны?

— Какие волны? Что вы! Это льдины! — Он сказал это с торжественностью, будто показывал город, поднимающийся из волн. — Да, это идут льды Охотского моря... Вот еще и за этим я приехал сюда.

— За чем? — не понял я.

— Чтобы иметь возможность протянуть руку и сказать: это плывут льды Охотского моря.

В тусклой дощатой комнатке вокзала ждал прибытия поезда только старый кореец с двумя мешками. Больше никто в ту ночь не уезжал из Макарова.

— Знаете, — сказал я, — может, с вашим другом что-то случилось?

— Да какой друг! — перебил он меня. — Он даже не знает моего имени, и я не знаю, как его зовут. Мы жили в одном дворе и только... Хотелось услышать знакомый голос.

Костя стоял на дощатом перроне под фонарем и молча смотрел на влажные, тусклые, мерцающие вагоны узкоколейки. А как только поезд тронулся, сорвал с головы фуражку с длинным козырьком, но тут же снова надел ее, будто устыдился. Поезд набирал скорость медленно и я долго еще видел его высокую фигуру под станционным фонарем. Я представил себе, как он будет брести по размокшим улочкам в гостиницу, как войдет в свой отсыревший номер, как включит свет и увидит еще накрытый стол — он и на следующий день ждал своего друга...

А поезд всю ночь шел вдоль моря, и всю ночь светились недалеко от берега голубоватые льдины, которые плыли из Охотского моря. К рассвету они становились все синее, ярче, а когда взошло солнце, от льдин брызнуло холодным, чистым светом.

## НЕАПОЛИТАНСКИЙ РОМАНС

Однажды летним вечером, когда сопки подернулись лиловой дымкой и стали похожи на скалы Неаполитанского залива, старший инженер проектного отдела стройтреста Грышук твердо решил изменить своей жене. Он отбросил все колебания, сомнения и сказал



себе, что откладывать хватит. И вовсе не потому, что была у него девушка, которую он любил больше всего на свете и которая любила его. Не было у Грышука девушки, и любовь не испепеляла его душу. Да и не хотел он всего этого, потому что из рассказов товарищей, из анекдотов и расхожих историй хорошо знал, что такие вещи, как красивая девушка или большая любовь, ни к чему хорошему привести не могут. На память невольно приходили зареванные жены, перепуганные дети, суды по разделу имущества, собрания коллективов, посвященные моральному облику, понижения в должности, урезанная зарплата...

Но когда друзья спрашивали у него, изменял ли он жене, Грышук в дотал не вдавался и разговора не поддерживал.

— Было дело, — коротко отвечал он, улыбаясь задумчиво и отрешенно.

А дела-то никакого и не было. Это угнетало Грышука, он болезненно переживал свою неполноценность и страдал. Конечно, диплом об окончании института придавал ему уверенность, так же как и должность старшего инженера. Его уважал начальник. Друзья относились к нему всерьез. Машинистки из отдела не прочь были переброситься с Грышуком двусмысленной шуткой. Они видели, что это как-то будоражит его, во всяком случае не оставляет равнодушным.

Что касается внешности, то и здесь Грышук мог быть спокойным. Сто семьдесят два сантиметра роста. В меру широкие плечи, прямые ноги. Правда, у него слегка наметились залысины, но их вполне можно было принять за естественную высоту лба.

И все-таки каждый раз, когда заходил разговор о любовных приключениях, Грышук настораживался, опасаясь, что кто-то догадается о его постыдной тайне. Он искренне и с удовольствием смеялся над чужими неудачами, слегка презирал людей за неполное среднее образование, беззлочно потешался над опальными сотрудниками, но не мог, не мог отдаться радости до конца. Для полного душевного спокойствия Грышуку нужно было маленькое, совсем небольшое чувство превосходства. Иначе он ощущал подавленность, жизнь теряла краски, становилась серой, унылой.

А еще душа Грышука время от времени требовала новизны, тревожной неизвестности. Разумеется, чтобы удовлетворить эти требования, можно было уйти с рыбаками на полгода в море или ответить начальнику, что его замечания неуместны, или устроить на собрании маленькую заварушку... Много чего можно было сделать, но все это было чревато неприятными последствиями, а Грышук не любил неприятные последствия.

Мысль об измене терзала Грышука все больше. Женщин, которых он видел в автобусах, на улице, на работе, Грышук невольно рассматривал как возможных кандидаток, придирчиво отмечал их



недостатки, браковал, и все это делал со скучающим, маскирующим выражением лица. Если раньше у него была просто идея, чистая и свободная, как утренний ветерок, то теперь стоило ему лишь мельком взглянуть на девушку, как перед ним, словно на экране, пронеслись картины одна другой красочнее и бесстыднее. Девушка проходила мимо, а он уже искал глазами вторую, третью. Утренний ветерок постепенно превращался в ураган, разрушающий все радости обычной жизни.

Грышук стал рассеянным и раздражительным.

Даже читая о любви хорошей девушки к парню, он ревновал, будто это была его девушка, но зато, если парня постигала неудача, Грышук искренне радовался, как при свершении какой-то высшей справедливости.

Все это не могло продолжаться слишком долго и наконец настал день, когда Грышук принял решение. Будто предчувствуя, какое испытание ожидает его, он еще утром надел белую рубашку, пристегнул капроновый галстук с вечным узлом и надел туфли. Сидя в отделе, Грышук все больше волновался, ощущая в груди непривычный холодок. Он несколько раз выходил в туалет и обеспокоенно прикинул к тусклому зеркалу. Из глубины мутного стекла, будто из какого-то другого мира, на него смотрел бледный человек с затравленными глазами.

После обеда Грышук совсем растревожился. Во рту у него было сухо, приходилось поминутно облизывать губы. Но в нем росла уверенность в правильности принятого решения, от обычной вялости не осталось и следа.

— Нашего Грышука сегодня не узнать! — сказала со смехом первая красавица отдела тонконогая Лидочка.

Грышук лишь улыбнулся. Улыбка получилась достойная и пренебрежительная, не говоря уже о том, что она была хороша и сама по себе. Улыбка бледного от волнения, но решительного молодого человека, умеющего держать себя в руках. Еще вчера он продолжил бы разговор, постарался бы подольше задержать на себе Лидочкино внимание, выпрашивая, что же именно произвело на нее впечатление, почему ей показалось, что он выглядит иначе, но сегодня... Сегодня он уже был человеком, образ жизни которого слишком далек от понимания этой конторской красотки.

Когда прозвенел звонок, известивший об окончании рабочего дня, Грышук растерялся, но быстро совладал с волнением. В конце концов, подумал он, чем я хуже кого бы то ни было? Чем? У меня диплом, высшее образование, отличная должность, в трудовой книжке несколько благодарностей, а их просто так не записывают. Я на хорошем счету, меня ценит начальство. Каждый раз, когда заходит разговор об отпуске, начинается целая канитель, будто без меня и работать некому. В сейфе месткома нет ни одного протокола без



моего выступления, в президиуме доводилось сидеть, а это не фунт изюма. Избирали секретарем собрания. Ближайшие перевыборы — и я в месткоме. А встанет вопрос о руководителе отдела, — список кандидатур возглавит моя фамилия. И если я иду сегодня на э т о, то просто потому, что мне это нужно для работы. Да, для р а б о т ы. Я не хочу, чтобы какие-то посторонние мысли отвлекали меня от главного. Жена? Мне нужно убедиться в ее превосходстве. Вот так.

Грышук быстро, почти механически складывал в стол карандаши, резинку, лезвия, логарифмическую линейку. Потом снял лист с доски и, свернув его, тоже сунул в стол. Упершись руками в чертежную доску, он постоял несколько секунд, резко оттолкнулся, как бы отбрасывая последние сомнения, и быстрой, деловой походкой вышел из здания.

Вечер был тихий и теплый. А когда солнце зашло за сопки, они в самом деле стали похожи на лиловые скалы Неаполитанского залива. Грышук много раз видел их на открытках, репродукциях с картин старых мастеров и, не задумываясь, закаты на знаменитом заливе считал почему-то образцом настоящих закатов. К здешним, островным закатам, восходам, к здешним веснам и осеням Грышук относился как к чему-то самодельному, грубому. Даже не догадываясь об этом, но к людям, с которыми он жил, работал, Грышук тоже относился лишь как к неполноценному подобию людей, живущих на берегах т о г о залива. О женщинах говорить не приходилось, они и в подметки не годились тем юным, загорелым и отчаянным созданиям, которых он видел на цветных открытках, журнальных обложках, на фотографиях, сделанных в районе прославленного водоема.

Легко и уверенно, сунув одну руку в карман брюк, а во второй держа сигарету, Грышук спускался к проспекту. В столовой он выпил стакан вина, потом в кафе — еще один. И почувствовал себя в норме.

Продавщица из магазина подарков, толстенькая, рыжеватая, красивая девушка, у которой Грышук спросил, что она делает сегодня вечером, внимательно посмотрела на него и подозвала подругу из соседнего отдела.

— Вот этот товарищ с круглыми глазами спрашивает, что я делаю сегодня вечером, представляешь? В баню, дяденька, иду, в баню.

Грышук выскочил из магазина, зашел в сквер и обессиленно опустился на скамейку рядом с какой-то женщиной. В его ушах все еще звенел смех девушек. Переведа дух, он скосил взгляд на женщину и подумал, что она не так уж и плоха. Правда, одного с ним возраста... И туфли у нее в пыли, и маникюр далеко не свежий... И юбка какого-то спецовочного цвета, но...

— Между прочим, — сказал он, — у нас давно не было такого заката. Очень красивый.



Женщина промолчала. Но он почувствовал, что промолчала она участливо, просто его слова не обязывали к ответу.

— Как на Неаполитанском заливе, — добавил Грышук.

— А вы видели... закат на Неаполитанском заливе?

— У меня есть открытка...

— А-а...

— Правда, здесь нет кипарисов, пальм...

— Разве под Неаполем растут пальмы? — удивилась женщина.

— А разве нет? — Грышук не знал, растут ли пальмы под Неаполем. Посмотрев на женщину в упор, он на скорую руку представил, как будет изменять с ней, и то, что увидел, понравилось ему. Женщина была загорелая, со светлыми волосами. Недавно с материка, подумал он. Грышук увидел ее ровные белые зубы, свежие губы... «Долгий поцелуй, подумал он. И закрывает глаза... И поднимается на цыпочки... Это если мы будем целоваться стоя...»

— Как вас зовут? — спросил Грышук взволнованно и с легкой хрипотцой.

— Скажите, а вам жена разрешает знакомиться с женщинами в скверах?

— Жена?

— Господи, у вас на лбу написано, что ваша жена — полная и тихая женщина, обожает праздники, когда выпьет, любит попеть, потанцевать, что сейчас она уже поглядывает на часы...

Все сказанное о жене было чистой правдой. Грышук растерялся. За доли секунды он обидчиво подумал о том, что девушки с Неаполитанского залива никогда бы не позволили себе такую бестактность, как упоминание о жене. Еще он подумал, что у этой женщины красивая высокая шея, а у его жены — короткая и некрасивая. Подумал о том, что незнакомка, работая скорее всего каким-то кладовщиком или счетоводом, позволяет себе вот так разговаривать с ним, со старшим инженером, будущим начальником отдела. Подумал, что, если бы она перешла работать в их отдел, он бы поговорил с ней иначе. И понял, что ничего у него с ней не получится, она слишком трезва, ограничена...

Поднимаясь со скамейки, он прощально посмотрел на ее смеющийся рот, в ее глаза, наполненные каким-то шалым смехом, и уже открыл было рот, чтобы сказать нечто значительное, убивающее наповал, но не успел.

— Идите, — сказала женщина почти по-матерински. — Идите, пока еще не кончился закат, и ваша жена...

— Оставьте в покое мою жену! — сказал Грышук неожиданно тонким голосом. — Всего хорошего.

— Счастливо. И мой вам совет — идите домой.

— Неужели вам больше некому советовать? — едко спросил Грышук.



— Идите,— нежно повторила женщина.

Грышук снисходительно улыбнулся. Выйдя на проспект, он быстро зашагал от сквера. К этому времени уже стемнело, загорелись красные неоновые рекламы, огни светофоров стали ярче и тревожней, а разноцветные окна настраивали на особый, вечерний лад, когда хочется чего-то совсем иного, чем днем. Сегодня Грышук хорошо знал, чего хотел, но он смирился с поражением, и это странным образом успокоило его.

Он зашел в гастроном «Рябинка», взял маленькую чашку черного кофе и устроился за столиком в углу. Рядом с ним оказалась высокая девушка с прямыми длинными волосами и в очках. Обхватив тонкими пальцами чашку, девушка через стекло витрины смотрела на улицу. Еще подходя к столику, Грышук отметил, что у нее вполне приличные ноги. Когда он мельком заглянул ей в глаза, то сквозь сверкающие грани стекол очков увидел выражение, знакомое по цветным фотографиям, привезенным с далеких заливов, проливов, островов и полуостровов. И неожиданно для самого себя сказал что-то естественное и простое.

— Ваш кофе уже, наверное, остыл,— добавил он, когда девушка промолчала.— Может, заменить?

— Замените,— улыбнулась она. Грышук поднялся, подошел к прилавку и заказал еще одну чашку.

— Двойной, пожалуйста,— сказала девушка.

— Двойной, пожалуйста,— повторил Грышук продавцу.

— Спасибо,— сказала девушка, когда он поставил перед ней чашку.— Вы тоже пьете двойной?

— Да нет... нормальный.

— Ну, нормальный — это не кофе. Это так... Бурда, рассчитанная на сердечников, почечников... Чтобы выпить настоящего кофе, надо заказывать хотя бы двойной.

— Когда мне хочется выпить, я вообще заказываю что-нибудь другое,— улыбнулся Грышук.

— Можно и вино,— согласилась девушка.— Но... кофе лучше.

— И вам никогда не хочется вина? — спросил Грышук взволнованно и чуть хрипло.

Девушка внимательно посмотрела на него и улыбнулась. Грышуку не понравилась ее улыбка. Он исподтишка осмотрел себя, но все было в порядке. Когда он так же внимательно окинул взглядом девушку, то поразился ее какой-то неуловимой изысканности. Впрочем, сказать, что он поразился, будет неверно. Он просто отметил ее утонченность, что ли, так и не поняв, из чего она складывалась. Перстень с продолговатым камешком, белая блуза, очки без оправы... И быстрая улыбка... Казалось, будто она по-разному улыбалась каждому услышанному слову.



— Вина? — переспросила девушка. — Нет, почему же, иногда хочется. Но чаще — кофе. Он дает... как бы это... более качественное опьянение.

— Какое? — не понял Грышук.

— Даже не знаю, как вам объяснить... Пьянея, человек приходит в состояние... ненормальное, верно? Ну так вот, когда он пьет вино, это состояние заключается в том, что он начинает видеть меньше. Понимаете? А когда он пьет кофе, он тоже пьянеет, но видит и чувствует гораздо больше, чем обычно.

— Интересно, — сказал Грышук. — Я такого не замечал.

— Потому что вы пьете одинарный кофе, — ответила девушка и опять улыбнулась. — Возможно, правильное было бы сказать — одинарный.

Грышук этого слова не знал, но на всякий случай улыбнулся.

— Как вас зовут? — спросил он.

— А как вы думаете?

— Мм... Я все равно не угадаю.

— И не надо. Зачем вам угадывать... Скажите так...

— Тогда... Дина.

— Ну что ж... Согласна. Пусть будет Дина. Это не так уж плохо. Во всяком случае лучше, чем... А вас, наверно, зовут Федя?

— Нет, на Федю я не согласен.

— Почему?

— Я надеялся на что-то более... Мм...

— Понятно. Тогда давайте сделаем вот что... Раз уж я все равно у вас в долгу за кофе. — Девушка открыла свою сумочку и вынула маленький сверток... — Снимите свой галстук.

— Зачем? — не понял Грышук.

— Сейчас увидите. Снимайте же...

Она протянула к нему руки, нащупала сзади под воротником зажим и разъединила резинки, на которых держался его зеленый капроновый галстук. Грышук совсем рядом увидел ее глаза за стеклами очков, улыбку, почувствовал запах незнакомых духов и вдруг опять заволновался, поняв, что у него с этой девушкой завязываются какие-то отношения, а как раз этого он боялся больше всего. Он опасался, что ему придется говорить о своей жизни, выслушивать, что будет рассказывать о себе девушка. Вот если бы изменить жене с кем-нибудь молча, даже без придуманных имен, без разговоров...

— Ну вот, — сказала девушка, развернула сверток — там оказался новенький серый галстук. Легко повязав его, она затянула узел, опустила воротник рубашки.

— Капроновый галстук вам не нравится? — спросил Грышук.

— Вы же не ходите по улице в калошах на босу ногу!

— Это одно и то же?



— Почти. Вон зеркало, посмотрите...

Грышук обернулся. Серый галстук из тусклой ткани с тремя красными квадратиками придал ему какую-то вечернюю нарядность, новизну.

— Спасибо,— сказал он.— У вас всегда в сумочке есть лишние галстуки?

— Нет, не всегда. Теперь, если вы не против, я согласна назвать вас Сергеем.

— Ну, это куда ни шло...

— Вот и отлично! Мне пора, Сережа. Уже поздно. До свидания.

— Как пора? Вы уходите? К... куда?

— Туда, где меня ждут... Так же, как и вас, наверно.

— Так что... на этом мы и расстанемся?

— Вы напрасно со мной познакомились. Я же не в вашем вкусе... Вам будет хлопотно со мной... И потом... вы спешите... Разве нет?

— Я не спешу. Опаздываю — да. Но не спешу.

— Знаете, Сережа... Вы уверены, что вам хочется еще посидеть здесь? Со мной? Нет, вы в этом не уверены... На вас подействовал вечер и... кофе. Это все кофе. Я ведь предупреждала, что после него видишь гораздо больше, чем есть на самом деле... Завтра утром я буду...

— Я тоже по утрам предпочитаю не подходить к зеркалу. И даже бреюсь на ощупь. Поэтому у меня и виски всегда кривые... Вот посмотрите...

И Грышук, повернув голову в одну сторону, потом в другую, показал девушке куцые пучки волос возле ушей.

— Действительно, кривые,— засмеялась она.

— Но я провожу вас? — сказал Грышук.

— Проводите... Это недалеко.

Когда они выходили, им в глаза ударил яркий свет фар. Взглянув в этот момент на девушку, Грышук подумал, что она в самом деле не так уж красива и уж несколько не похожа на женщин с картин старых мастеров. А именно их он считал образцом, на них походила его жена. Поэтому он и женился на ней в свое время. У него перед глазами вдруг возникла открытка: громадная, уходящая в темную бесконечность кровать, а на ней — большая розовая женщина с волнующим животом, лежащим на алой ткани. Да, кажется, на алой. И подпись: Даная. Потому-то он и незнакомку неожиданно для себя назвал Диной. Все-таки созвучно. И красиво. Он был благодарен девушке за то, что она сама избавляла его от хлопот, связанных с прощанием. Зная, что через несколько минут они разойдутся в разные стороны, Грышук почувствовал себя легко и непринужденно.

По темной улочке они вышли к берегу. Наступила тихая темная ночь и не было видно даже волн, которые шуршали у самых ног. Потом выглянула луна, и низенькие пенистые барашки засветились тускло и переменчиво. Начинался отлив.



— Идемте, — сказала девушка. — Уже поздно.

Она поправила ему галстук, и Грышук неожиданно для самого себя обнял девушку и поцеловал в щеку. Возможно, он полагал, что это единственный способ попроситься и избежать разговоров, которые неизбежно ведут к завязыванию отношений, а может быть, просто не совладал с собой, изнуренный вечерними неудачами. Как бы там ни было, обняв девушку, Грышук вдруг почувствовал, что на него навалились все те ощущения, которые он переживал лет десять назад и о которых совсем забыл. Страх, что все это сейчас кончится, оборвется навсегда, усиливал ощущение горького счастья — девушка была рядом и будет с ним еще несколько мгновений. Но время сейчас не имело никакого значения. Секунды это будет продолжаться или годы — неважно. Сжав ладонями ее худенькие плечи, Грышук с трудом проглотил подкативший к горлу комок. Было в этом прощании что-то уж очень печальное, будто он расставался не только с этой безымянной девушкой, но и со своей молодостью, с самим собой, с той жизнью, к которой все время так безнадежно стремился.

Счастье кончилось. Все еще обнимая девушку, Грышук уже страдал оттого, что больше это не повторится, что вряд ли он осмелится даже подойти к ней, если они случайно встретятся на улице. Эта мысль растрогала его, и он увидел, как фонарь невдалеке раздвоился и поплыл. Грышук плотно сжал веки, потом разжал их. Фонарь снова был на своем месте, но на ресницах остались маленькие слезинки. Девушка хотела было высвободиться, но Грышук еще крепче прижал ее к себе, не в силах сказать ни слова, не имея слов. С чувством, которое он начисто забыл, а возможно, и не знал никогда, Грышук целовал ее в щеки, шею, губы. Девушка ладонью провела по его лицу и отшатнулась.

— Боже, что с вами?!

— А черт его знает, — ответил он хрипло и естественно.

Взглянув на бледное в лунном свете лицо девушки, снова припал к ней, молча, с каким-то глухим стоном, как припадают пересохшими губами к ручью после долгого блуждания в пустыне. Грышук почувствовал, как оживает его парализованная, скованная душа, будто выбрасывает слабые зеленые листья, завязи будущих цветов, становится зыбкой и уязвимой. И все вокруг тоже теряло жесткость и незыблемость. Грышук скорее ощутил, чем понял, что все вокруг установлено не раз и навсегда, что возможны перемены — большие, неожиданные. Он испугался своего открытия, но это был радостный испуг. В изменчивости, которую он увидел вокруг, была сила более высокого порядка, чем в скованности и жесткости. И короткое, как вспышка, прозрение вдруг осветило его, а, впрочем, вполне возможно, что ослепило. Он понял, что слишком слаб, слишком привязан к очень многим вещам, чтобы вот так сразу, безнаказанно перейти в другой мир, живой и переменчивый.



Грышук хотел что-то сказать, но у него ничего не вышло, не получилось, и он лишь, промывчав что-то невнятно оторвал себя от девушки и, не оборачиваясь, быстро зашагал по плотному мокрому песку, который еще совсем недавно был под водой. Грышук не знал, осталась ли девушка на месте или тут же ушла, или идет следом, он не хотел этого знать, об этом помнить, он закрыл всего себя наглухо, намертво и шагал, слыша только, как упруго скрипит песок у него под ногами.

Луну снова затянуло тучами, и уже нельзя было даже определить, где она была минуту назад. Сквозь низкий туман только ближние огоньки городка светились тускло и как-то беспомощно. А рядом с Грышуком, прямо у его ног, начинался океан, этот большой черный провал, из которого доносились слабые всплески невидимых волн, будто какое-то доброе чудовище выбралось из глубин и перебирало губами водоросли.

Грышук остановился и долго всматривался в темноту. Ни одного огонька не увидел он, океан был пугающе пуст и безжизнен. Грышук представил, как эта бесконечная поверхность воды круто выгибается, повторяя форму планеты и где-то очень далеко отсюда, с другой стороны начинает светлеть и наливаться голубизной. Он представил, как в это самое мгновение розовые утренние лучи освещают скалы Неаполитанского залива, и с мстительным наслаждением почувствовал, что нет в нем ни малейшего желания быть там.

Подходя к своему дому, он почти успокоился. Но когда увидел свет в задернутом кухонном окне, скользнувшую по занавескам тень жены, сердце его заколотилось, как у человека, который возвращается домой из далекого и опасного путешествия. Едва жена открыла дверь, Грышук широко перешагнул порог и прижался к ней, как прижимаются дети к матери, ища успокоения и защиты.

## **БУДЕТ ЧТО ВСПОМНИТЬ**

Положив руки на баранку, я сидел в пустой машине и слушал как стучит дождь по крыше. Фары были выключены, стекла опущены. Только на ветровом стекле собирались капли и медленно стекали вниз. В них отражались уменьшенные огни аэропорта, цепь лампочек взлетной полосы, блики на мокрых боках автобуса. Последний самолет прибывает где-то около полуночи, и до этого времени будут слоняться подвыпившие грузчики, будут светиться окна да похрипывать какой-то музыкальный агрегат в ресторане.

Мой шеф сегодня никуда не летит. Он приехал в аэропорт, чтобы спокойно выпить рюмку другую — считает себя слишком большим человеком, чтобы сделать это в черте города. Начальник гаража



стройтреста — не так уж и мало, я бы не отказался. Во всяком случае, у него всегда под рукой шофер, который в любое время дня и ночи доставит его за двадцать километров от города выпить рюмку коньяка. Конечно, можно выпить и дома, но это не то. Коньяк нужно уметь не только заработать, его нужно уметь выпить, говорит он.

Диктор объявил, что самолет снова задерживается. Так что, товарищи встречающие, не спешите рассчитываться с официантами. Едва динамик смолк, в стороне гулко хлопнула дверь. Я будто знал, что это случится, что Валя вот-вот выйдет из ресторана. Она быстро сбежала по ступенькам, перепрыгивая через лужи, пересекла площадь и почти упала на сиденье рядом со мной. Даже намочнуть не успела, только в волосах остались капли дождя. Холодные, пропитанные табачным дымом волосы...

— Садись, трезвей, — сказал я.

— Да я не пила. Нет настроения... Паршиво.

— Как шеф? В норме?

— Он всегда в норме.

— Почти, — уточнил я. — Он не спешит?

— Ждет самолет. Не может пропустить такого зрелища.

Шеф был на острове временным, это сразу чувствовалось. Он не мог равнодушно пропустить в небе ни одного самолета, рассчитывая воспользоваться воздушным путем, чтобы когда-нибудь вернуться на материк. Такой мечтой живет не он один. Есть тут у нас сменный экипаж на корабле, который называется остров. Но я знаю и несколько случаев, когда люди, улетев отсюда, через год-два все-таки возвращались. Оказывается, им нужен был не южный город с белыми домами и синим морем, а мечта об этом. Но мой шеф не вернется, если уедет, нет. Здесь слишком мало шику для того, чтобы его натура могла развернуться на полную катушку, здесь все всерьез.

Валя достала сигареты из ящика, прикурила, бросила пачку на место и резко захлопнула крышку. Мне все это не понравилось. Даже когда кто-нибудь сзади прикасался к машине, я невольно оглядывался, будто это мне на плечо руку положили. И когда машину встрахивало на ухабах, я ловил себя на том, что морщусь, как от боли.

— Сейчас куда едем? К тебе? — спросил я.

Валя посмотрела на меня так, словно это не я, а машина заговорила.

— А тебе-то что? Знай крути.

Вот так. Хозяйка! Как мало иногда бывает нужно людям, чтобы почувствовать превосходство. Знакомство с большим человеком, поплавок вуза на пиджаке, японский купальник, рост, зарплата...

— Но я не знаю, хватит ли бензина. Ты ведь не в центре живешь...

Валя внимательно посмотрела на меня, потом на приборную доску, снова на меня. Усмехнулась. Черт! Надо же было такое сморозить — она была уже в машине, когда я заправлялся при выезде из города.



— Послушай,— повернулась она ко мне,— а может, ты ревнуешь?  
— Но ведь это не отражается на работе, верно?

Не глядя на Валу, я чувствовал, как скользит по мне сверху вниз ее взгляд.

— Послушай, Ваня, а у тебя есть подружка?

— Подружка? Смотря что иметь в виду.

— Ты ей изменял?

— Нет, не приходилось. Случай не подворачивался.— Разговор явно не для меня, но что делать, надо было выдержать это испытание на браваду, на некое соответствие показателям настоящих мужчин, способных говорить о чем угодно спокойно и снисходительно.

Валя помедлила секунду, и я догадался, что она скажет сейчас.

— Ну, хорошо... А этот вот случай... чем плох?!

Как просто у нее получается, боже, как просто! Иногда проснешься ночью и повеситься хочется от этой простоты. Начинаешь сомневаться в самом очевидном, а собственная добродетель, кажется, и гроша ломаного не стоит. Ясно вдруг чувствуешь, понимаешь, видишь, как вытекает сквозь пальцы твое время, а ты ничего не можешь сделать, чтобы оно остановилось, ничего не можешь изменить... Ну, вот как если бы выкипела вода в моторе, ты несешь ее в дырявом ведре, а вода бежит, бежит прямо на землю. Ты видишь, что не успеваешь, прибегаешь к машине с пустым ведром. И остается только грохнуть им о булыжники...

— Так чем же этот случай плох?— Валя посмотрела на меня с какой-то шалой полуулыбкой.— Слаб ты, Ваня.

— Нет, я не так уж и слаб. И ты сама это знаешь. Я был бы слаб, если бы клюнул на эту твою... штучку. Как шофер я даже лучше, чем этот любитель самолетов как начальник гаража. Поладить с ним несложно — ублажай — и все.

— По-твоему...

— Не надо, Валя. И не говори мне, что у вас любовь.

— У нас с ним ничего не было.

— Будет.

— Ваня, ты знаешь его жену? Что она такое?

— Он от нее не уйдет.

— Она красивая?

— Не сказал бы...

— Умная? Умнее меня?

— Здесь ты тоже можешь быть спокойна.

— В чем же дело? Детей у них нет...

— Дело в должности. Это для него главное. Если он уйдет от жены, это повредит ему, сделает его уязвимым, уменьшит зарплату... И тогда он не сможет... он не сможет дружить с такими девушками, как ты, не сможет поступать, как ему хочется. Он думает, говорит, делает только то, что от него ждут.



— Невысокого же ты мнения о своем начальстве...

— Шоферам позволено.

Валя сидела, откинувшись и сложив руки на груди. Поза вызывающая, но была в ней какая-то беззащитность, обреченность, что ли... Я отвел в сторону ее волосы. Она так посмотрела на меня, словно искала сочувствия. И снова повернулась к сбегаящим по стеклу каплям дождя.

Чем дольше она сидела здесь, тем сильнее становилось во мне какое-то ноющее напряжение. У каждого в жизни достаточно скопилось обид, огорчений да мало ли чего еще... Но происходит какое-нибудь пустячное событие — еще одна маленькая обида или еще одно маленькое предательство, и все они мгновенно сжимаются в одну точку. Как в фокусе. И это жжет тебя так, что только держись, нервы дымятся, как тормоза на вираже. Сейчас на этой девчонке с голубоватыми волосами, пропахшими табаком, собрались все мои встречи, которые не состоялись, мечты, которые так и не сбылись, обиды, на которые я не смог ответить. Мне нужно было лишь протянуть руку, чтобы вернуть все, что у меня отобрали за двадцать пять лет. Если уж на то пошло, то я буду даже в выигрыше.

— Спокойно, Ваня, — сказала она. — Спокойно.

В этих словах уже не было превосходства. Они сняли с меня то напряжение, когда не знаешь, куда себя деть, как поступить, что сказать, и, конечно, говоришь, делаешь худшее из всего, что можно представить.

Динамики, спрятанные где-то под карнизами, на столбах, в мокрой листве деревьев, неожиданно громко, на всю безлюдную площадь объявили, что самолет будет через двадцать минут. Значит, он уже где-то над Татарским проливом.

— Послушай, Ваня, давай прокатимся, а? — сказала она.

Развернув машину, я описал полукруг по площади и нырнул в коридор из мокрых деревьев. Угадав поворот, почти не снижая скорости, свернул в сторону от города. Шоссе влажно блестело в свете фар. Капли перед глазами ползли теперь не вниз, а в стороны, к дверцам. Стекла я так и не поднял, и сырой ночной воздух гудел в машине.

Валя сидела все так же — откинувшись назад и скрестив руки на груди, — когда я, отмахав километров десять, снова остановился на площади у здания аэропорта.

Шеф стоял у подъезда, и его мощная фигура была видна издали. Он наслаждался видом приземляющегося самолета. Красные огни появились неожиданно низко, вынырнув из туч, и стали быстро приближаться к земле. Самолет увеличивался прямо на глазах, будто разбухал, вбирая сырой воздух. Наконец его маленькие толстые колесики коснулись бетонной полосы. Он подпрыгнул, еще раз



подпрыгнул, уже тяжелее, и побежал, провисая крыльями, по освещенному бетону.

И только тогда шеф повернулся к нам.

— Ну что, ребята, покатались? — спросил он слишком уж ласково. Не только его фигура, руки, пальцы, но даже щеки, лоб, губы показались мне мускулистыми и натренированными. — Далеко были?

— До поворота и обратно, — ответил я, хотя знал, что спрашивает он не меня.

— Валя, далеко прокатились?

— Он же говорит — до поворота. Садись... Поедем.

— А ну-ка, парень, дай сяду, — открыл он дверцу с моей стороны.

— Не надо, Анатолий Васильевич... Как бы чего не вышло...

— Вылазь, говорю.

Я увидел совсем рядом крупное, разгоряченное коньяком лицо, налитые силой плечи, на баранку легла его тяжелая ладонь.

— Дорога скользкая... Может занести.

— Вылазь. — Он выпрямился, давая мне дорогу. Я еще раньше понял, что на обратном пути ему захочется повести машину самому. Теперь его ничто не остановит. Напористость, самолюбие не позволят ему отступить. Тем более что рядом сидела Валя. Тот неуловимый момент, когда он мог отказаться от своей затеи легко и беззаботно, без ущерба для самолюбия, тот момент прошел.

— Анатолий Васильевич, чему вы учите молодых водителей? — попытался пошутить я.

— Вообще-то да, — сказал он и сел на заднем сиденье. — Пусть будет по-твоему. Поехали.

Но едва я, описав круг по площади, хотел уже сворачивать на трассу, как он остановил меня.

— Подожди, Ваня. Давай к подъезду. Папиросы надо взять... Не в службу, а в дружбу — сходи в ресторан, возьми... Деньги есть?

— Найдутся.

Вернувшись через несколько минут, я увидел, что шеф за рулем. Валя сидела рядом.

— Вот так с вами надо, — засмеялся он. — Садись, а то автобусом придется добираться.

Валя за все это время не сказала ни слова. Она вообще никогда не вмешивалась в наши разговоры. С ним она разговаривала так, будто меня и не было в машине, а со мной — когда не было его.

— Смотри, шофер, как надо машину водить, — сказал он, пьяно глянув на меня в зеркало. Машина резко дернулась, нырнула под деревья и помчалась к шоссе.

— Три с минусом, — сказал я. Зачем — не знаю. Вчера я бы этого не сказал.

Он оглянулся, посмотрел на меня каким-то долгим взглядом и увеличил скорость. Все шло нормально, пока мы приближались



к городу. Шеф обогнал несколько полуночных автобусов со спящими пассажирами, одного частного, сделал несколько неплохих поворотов. Все-таки он водил довольно хорошо, когда бывал трезвым.

— Ну, что скажешь, шофер? — При Вале он не мог назвать меня по имени. Иначе ему не было бы за что уважать себя.

— Четыре с плюсом. Осторожней! — крикнул я, но было уже поздно. Все произошло за несколько секунд — толчок, скрежет тормозов, отчаянный визг Вали, короткий мат шефа. Когда мы были метрах в сорока от перекрестка, из-за угла вышел человек. Я успел только заметить, что на нем был светлый плащ и что человек этот небольшого роста. Ослепленный светом, он остановился посередине дороги и прикрыл глаза рукой. Еще я заметил, что он был в очках. Его отшвырнуло метров на десять, и когда он упал, ясно был слышен глухой удар головы об асфальт. Уже на тормозах машина по инерции продолжала идти вперед. Стекла в машине все еще были опущены, и я хорошо рассмотрел беднягу. Он лежал, свернувшись калачиком, а из-под головы вытекала, набирая силу, черная струя крови. В стороне лежала одна его туфля.

Тут машину снова дернуло. Не успел я опомниться, как мы были уже в сотне метров от перекрестка и мчались дальше.

Валя редела.

— Надо бы подобрать его, — сказал я.

— Заткнись! — бросил шеф не то мне, не то плачущей Вале. Он уже несколько раз менял направление, и теперь мы оказались едва ли не в противоположном конце города.

— Нас кто-нибудь видел? — обернулся он ко мне.

— Километрах в двух шла машина.

— Значит, они уже там.

— Скорее всего они уже в больнице.

— И милиция, конечно, уже все знает?

— Вряд ли. Но минут через пять будет знать.

— Да заткнись ты, наконец! Хватит выть! — вдруг закричал он, повернувшись к Вале. — Ну, а ты что молчишь? — Это уже ко мне.

— А что сказать, Анатолий Васильевич? Мы сбили человека. И удрали.

— Я спрашиваю, что делать будем? Если ты думаешь, что виноват здесь я один, то ошибаешься. Водитель — ты.

— Конечно.

— Так что ты скажешь?

— Нам не нужно было удирать.

— Чего ж ты там молчал?!

— Во-первых, я не молчал. А во-вторых...

— Знаешь, кончай юлить. Отвечать будем оба. Я не собираюсь уходить в сторону. Хотя и мог бы... У меня вон свидетель, — он кивнул на Валу, — она может подтвердить, что за рулем сидел ты. А? Валя?



— Я ничего не видела.  
— Ладно. Говорю же, что не собираюсь уходить в сторону. Сделаем так... Садись за руль и отвези Валью домой. А я сам доберусь. — Он открыл дверцу, чтобы выйти.

— Мелькать на всех перекрестках с разбитой фарой...  
— А с чего ты взял, что она разбита?! — Шеф вышел из машины, ощупал фару и убедился, что я прав.

— Тогда мы с Валею доберемся пешком, а ты езжай в гараж. Валя, пошли!

— Нет, — сказал я. — Не могу сейчас вести машину. Еще кого-нибудь собью... Нет.

Он глянул на меня исподлобья, шевельнул мускулистым лбом и вдруг улыбнулся.

— Я вижу, напугала тебя вся эта история. Ничего, уладим. Сделаем так... Валя доберется до дома своим ходом. А мы на машине — своим. А, Валя?

Не отвечая, Валя вышла из машины, бросила за собой дверцу и побежала по мокрому блестящим булыжникам. Уж теперь-то она вымокнет насквозь. Дождь не прекращался. Впрочем, на острове он, кажется, никогда не прекращался.

— Хитра баба, а? — повернулся ко мне шеф. — Ничего не видела... И взятки гладки! Вспомнит, касатка. Никуда не денется.

— Что вспомнит?

— Да это я так... К вопросу о девичьей памяти.

Больше он не проронил ни слова. Загнал машину в мой сарай, и я тут же запер ворота. Когда замок щелкнул в железных петлях, меня охватило ощущение, будто я запираю не машину, а самого шефа. В общем, так оно и было: на руле остались отпечатки его пальцев. Значит, машину вел он.

А перед глазами все еще стояла эта картина: свернувшийся калачиком человек в светлом плаще, черный ручей из-под его головы и чуть в стороне — туфля, медленно наполняющаяся дождевой водой. Опершись спиной о дверь, я прижался затылком к железной скобе и подставил лицо под дождь.

— Ну что... Обойдется? — В голосе шефа уже не было ни власти, ни самоуверенности. Каким-то уж очень естественным показался мне его голос.

— Вряд ли... Скорость была большая.

— Откуда он появился — ума не приложу!

— Из-за угла вышел. А когда на середине дороги оказался, его ослепило. Он в общем-то сделал лучшее из всего, что мог, — остался стоять. Будь скорость поменьше, можно было бы мимо проскочить...

— Да я бы и на этой скорости проскочил, но асфальт был мокрый! — воскликнул шеф. Он стоял прямо под дождем, его короткие волосы намокли и прилипли к бугристой лбу.



— Идемте под навес, чего мокнуть... — сказал я.

Мы зашли в беседку и сели на скамью. Шеф достал сигареты, как-то механически закурил и сунул пачку обратно в карман. Потом спохватился и предложил сигаретку мне.

— Послушай, Иван Федорович, — заговорил он, и я не сразу понял, что он обращается ко мне. Оказывается, шеф знает не только мое имя, но и отчество. — Виноват, конечно, я. Придется, видно, распрощаться и с работой и с... со всем, в общем, придется прощаться. Для меня, Иван Федорович, эта история — конец.

— Для того парня — тоже.

— Я не о том. Давай поговорим серьезно... Нет, ты выслушай. Иван Федорович, дорогой, возьми эту историю на себя, а? А мы с Валей вроде сзади сидели. И мы подтвердим, что тот чужак неожиданно выскочил из-за угла и хотел перебежать дорогу. Ночь, мокрый асфальт, дождь и так далее. Самое большее, что тебе грозит, — лишат прав. Но это я беру на себя. Поработаешь месяц слесарем, и я делаю тебя механиком. В деньгах ты не теряешь, даже наоборот. Ну?

— Дайте сигаретку...

Шеф еще долго говорил. О мужской солидарности, взаимопомощи, мужестве, дружбе на долгие годы и так далее. Я отвечал что-то очень односложное. Со стороны могло показаться, что я попросту торгуюсь. Может, и он так подумал. Но я не торговался. Мы сидели в маленькой беседке, и я не мог избавиться от чувства, что между нами на мокром дощатом полу лежит невидимый в темноте тот человек в дешевом плаще и течет между нами струя крови.

Сейчас за полночь. Молчаливые, сосредоточенные люди уже разъехались по гаражам и составляют списки недостающих машин. Список будет совершенно полным — остров. Здесь нет заезжих машин, да и своя не махнет в соседнюю область. А наберется недостающих машин десятка два. Сред них — моя. Половина — в дальних разъездах, они отпадут сразу. Останется десяток или того меньше. Большая часть из них к утру вернется. Две-три не вернутся. Кто-то обломался, кто-то задержался. Этими и займутся... А к началу рабочего дня в тресте можно ждать гостей.

Все было просто и решилось в тот самый момент, когда шеф, развернув машину, погнал ее подальше от перекрестка. Но все же оборвать его сейчас я не мог. Он попал в беду, он просит пощады, и добывать... Нет. Он бы меня добил, я знаю. Не то чтобы добил, нет, он выше этого. Просто принял бы целесообразное, принципиальное решение и уже спал бы, запустив пятерню в Валины волосы.

— Ну, Иван Федорович? Что скажешь?

— Знаете, Анатолий Васильевич... Не могу.

— Что не можешь? — не понял он.

— Не могу пойти на это.



— Ведь ты ничем не рискуешь! А меня... меня ты попросту в гроб вгоняешь!

— Вы тоже сегодня кого-то вогнали.

— Но ему-то уже ничем не можешь! Предложи мне сейчас кто-нибудь руку отдать, чтоб того парня спасти,— отдал бы, не задумываясь! Глаз бы отдал!

— Может быть, ему спас бы жизнь стакан вашей крови... Или два стакана... Вы ее не дали. Удрили.

— Растерялся. С кем не бывает?! Но сейчас-то что об этом говорить?! Послушай, мне кажется, ты чего-то недопонимаешь... И я и Валя подтверждаем, что все было как надо. Что он сам виноват. Ты ничем не рискуешь. Самое большее — это тебя лишат прав на два-три месяца. И все. У меня ты постоянно будешь первым человеком. Любая машина — твоя. Ремонт — в первую очередь. О запчастях ты и думать забудешь.

— Нет. Не могу.

— Почему? — спросил он почти спокойно.

— Видите ли, Анатолий Васильевич, иногда приходится делать не то, чего от тебя ждут... а то, что обязан.

— Но почему ты обязан продать меня?! Почему?! Тебе мало одной жертвы и ты хочешь еще одну?! Не умышленно же я сбил его! Позади нас шла машина. Она его подобрала.

— Вы ее не видели. Это я вам сказал о ней. И потом...

— Ну?

— Понимаете, Анатолий Васильевич, ведь все это не кончится через день, когда меня лишат прав, не кончится через три месяца, когда мне их вернут. И через год, когда я буду первым человеком в вашем гараже, это тоже не кончится. Сегодняшняя ночь будет продолжаться... Я даже не знаю, кончится ли она когда-нибудь... для меня. И все это время быть соучастником убийства... А ведь вы предлагаете мне именно это... Я не смогу. И не хочу. Не хочу! В жизни случается всякое и иногда единственное, что тебя может как-то поддержать, это... самоуважение, что ли.

— За что же ты себя уважать будешь, когда я за решеткой окажусь? Впрочем, ладно. Значит, нет?

— Я же сказал.

— Видишь ли, я бы мог взять вину на себя,— сказал он раздумчиво,— и заявить, что он выскочил неожиданно... Но я пьян. Вообще-то я не пьян, но выпивку они сразу усекут... Послушай, я видел, как ты на Валю поглядывал... Хочешь?

— Не надо, Анатолий Васильевич. Успокойтесь. Я бы вам посоветовал...

— Советуй кому-нибудь другому.

— Нет, я вам посоветую... Надо сейчас пойти в милицию.

— Ты что, за дурака меня принимаешь?!



— Это будет самое лучшее, Анатолий Васильевич. Иначе... Иначе мне придется пойти туда. Моей машиной убит человек...

— Хорошо, — неожиданно согласился он. — Хорошо. Но от тебя я этого не ожидал. Сволочь ты, Ваня.

Утром я открыл сарай и еще раз осмотрел машину. Она стояла, будто горем убитая. Я старался не прикасаться к ней. Потом закрыл сарай, побрился и отправился в гараж. Шефа не было.

— Зина, где Анатолий? — спросил я у диспетчера.

— А бог его знает!

— У нас гости не появлялись сегодня?

— Какие-такие гости?

— Мало ли... Комиссия какая-нибудь...

— Нет, не было.

— Мне никто не звонил?

— Да кому ты нужен, господи!

Я сел в уголок, взял какой-то старый журнал и стал ждать. Часов в десять позвонила Валя.

— Ваня, я хочу сказать тебе одну вещь... Можешь подойти на Фестивальную?

— Хорошо. Через десять минут я буду в «Астории». Там на третьем этаже есть маленький буфет.

— Договорились, — сказала она и повесила трубку.

Проходя через вестибюль гостиницы, я посмотрел на себя в зеркало. Молодой человек в кожаной куртке и серых брюках мне не понравился. Каким-то он показался бледным и обеспокоенным. Ну, ничего, авось...

В полукруглом буфете Валя сидела одна. Вряд ли она спала в эту ночь. Усталость не испортила ее, просто стало видно, какой она будет через пять лет.

— По-моему, тебе сегодня ничего не снилось, — сказал я.

Она слабо улыбнулась.

— Ваня, я хочу у тебя спросить... Анатолий был в милиции... Что он там говорил, я не знаю, но мне он сказал, что вроде ты согласился взять вину на себя. И я должна подтвердить, что тот парень выскочил неожиданно и хотел перебежать через дорогу.

— Врет.

— Я так и думала. — Она чуть ли не с облегчением откинулась на спинку стула. — Вот подонок... А может, я ничего не видела? — спросила она беспомощно. — Может, я спала, а, Ваня? Мне так не хочется гробить его... Ведь у нас что-то было... Пусть не любовь, но хоть что-то... Какие-то отношения... И вдруг ему дадут срок... Неприятное чувство. Будто я предаю его.

— Это пройдет, когда ты увидишь родных того парня.

— Да-да...

— Знаешь, я подумал... Если мы когда-нибудь встретимся с тобой,



если мы когда-нибудь останемся с тобой вдвоем, нам будет о чем вспомнить, а?

— А ты уверен, что мы когда-нибудь останемся вдвоем? — усмехнулась она.

— Буду стараться. Я буду стараться, Валя, чтобы это случилось поскорее.

Я мог даже сказать ей, как это все будет. Как-нибудь вечером я посажу ее рядом с собой, отвезу километров за сто от города и остановлюсь где-нибудь в самой глуши. Так, чтобы пахло тайгой, чтобы в крышу скреблись мягкие ветви лиственниц, а холодный туман наполнил машину. И тогда я выключу свет, отключу всю прочую цивилизацию и скажу ей все, что мне придет в голову. Приблизительно даже знаю, что именно. Все это я мог бы сказать ей и сейчас, но я боюсь, она не так поймет.

Потом уже, когда Валя ушла, а я все еще сидел за столиком и смотрел, как по оконному стеклу, точь-в-точь как вчера по ветровому, рывками стекали капли дождя, мне подумалось, что ничего и никогда у нас с ней не будет. Потому что, сколько бы ни прошло времени, всегда будет лежать между нами тот маленький человек в светлом плаще и всегда между нами будет течь черный, расплывающийся по мокрому асфальту ручеек. И ни мне, ни Вале не переступить его.

И потом была еще одна причина... Судить-то будут все-таки меня. Вернее — меня тоже.



## СО Д Е Р Ж А Н И Е

Прекрасные впечатления . . . . .	3
Оверкиль . . . . .	11
Голоса родных и близких . . . . .	20
Неаполитанский романс . . . . .	28
Будет что вспомнить . . . . .	37

**Виктор Алексеевич Пронин**

### **БУДЕТ ЧТО ВСПОМНИТЬ**

Редактор **М. М. Жигалова.**

Технический редактор **Е. Н. Щукина.**

---

Сдано в набор 15.10.81. Подписано к печати 14.12.81. А 00479.  
Формат 70×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».  
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,16.  
Тираж 100 000 экз. Изд. № 2844. Зак. № 1430. Цена 20 коп.

---

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография  
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,  
ул. «Правды», 24.







● Все жилые дома и хозяйственные постройки, находящиеся в личной собственности граждан, застрахованы в обязательном порядке. В случае их гибели или повреждения от пожара, наводнения, землетрясения и других стихийных бедствий органы Госстраха гарантируют их владельцам выплату страхового возмещения.

● В дополнение к обязательному проводится добровольное страхование строений, которое обеспечивает гражданам получение более полного возмещения ущерба в случае перечисленных событий.

● Добровольное страхование строений проводится исходя из оценки строений по действующим государственным розничным ценам.

#### **Уважаемые товарищи!**

● Если вас заинтересовал этот вид страхования и вы хотите более подробно познакомиться с условиями его проведения и оформить договор, обращайтесь, пожалуйста, к страховому агенту, обслуживающему вас по месту жительства, или в инспекцию Госстраха.

**ГОССТРАХ РСФСР**